

Николай Климонтович

***ЖЕНЯ И ДЖЕННИ,
или
ВАМПИР ИЗ 1Б***

повесть для девочек, бабушек и говорящих собак

Москва
Издательство «БПП»
2010

Оглавление

Девочка-лабрадор	3
Маленьких всегда норовят лишить детства	10
У собак тоже бывают папы	14
Общество на бульваре	18
Собраться на дачу — это подвиг.....	22
Дача как побег и подвиг	24
Старый дом	31
Новоселье Дженни	38
Целебный источник	43
Слишком много земляники.....	48
Белая птица	54
Рыжий.....	60
Дженни учится говорить.....	65
Прятки и опята.....	78
Звездопад.....	82
Прощай, дача	86
Вампир Витя	100
Осенняя выставка	106
Собачья душа	113
Первый лед	117
Урок для мамы.....	125
Сон и пробуждение.....	129
На месте послесловия.....	136

Девочка-лабрадор

Дженни — лабрадор цвета вкусного темного шоколада.

Помимо вкусности внешнего вида, у нее влажный замшевый нос, ореховые глаза, шелковистая блестящая короткая шерсть, изогнутый сильный хвост с кисточкой на конце и большие неуклюжие лапы. Неуклюжие потому, что она еще не слишком взрослая собака, ей нет года. Когда смотришь ей прямо в лицо, то есть прямо в морду, она кажется курносой. А в профиль у нее правильный, носик ровный, как линейка.

Если верить взрослым, собачий год приравнивается к семи человеческим. Дженни исполнилось уже почти семь человеческих лет. И Жене недавно исполнилось семь, так что они почти ровесницы. Но не так трудно подсчитать, что совсем скоро собака чуть обгонит свою хозяйку в возрасте. Потому что когда ей будет два года, то по-человечески это идет за четырнадцать. А Жене исполнится только восемь, и она окажется младше своей собаки.

Собаке уже почти год, и она живет у них с трех месяцев, а бабушка все не может успокоиться, хоть и любит Дженни. И время от времени ворчит, что не припомнит, чтобы собака стоила таких денег.

Жене это кажется просто глупым: ставить рядом какие-то деньги — и чудесную теплую Дженни с нежной шелковой шерстью и с носом, холодным, как эскимо.

Деньги можно заработать, как дедушка, или выиграть в казино, как мечтает мама. А щенка лабрадора можно только получить в подарок.

А дело было так. Год назад весной на семилетие Жени — надо уточнить, что день рождения у Жени в феврале,— родные гадали, что бы такое подарить девочке. Они шептались на кухне, шушукались в дедушкином кабинете, загадочно молчали, но девочка все слышала и все понимала.

Наконец, Жене надоело ждать, пока взрослые решат такой простой вопрос, и она решила вмешаться. Ведь на день рождения дарить надо желанные подарки, а не абы что, только чтоб отделаться. И Женя с присущей ей с детства силой убеждения твердо заявила: семья должна подарить ей щенка.

— Чтобы не быть одной,— объяснила Женя, хотя вовсе не чувствовала себя одинокой с дедушкой, бабушкой и мамой.

Но ей был нужен друг. Наташка с их лестничной площадки — не в счет. Во-первых, она маленькая, ей всего шесть лет. И семь исполнится только через год. Во-вторых, она жадная, хотя в чем это проявляется, Жене трудно было бы объяснить. Жадная — и всё.

Но главное, главное — осенью Жене придется идти в школу, в первый класс.

— А это травма для ребенка,— на всякий случай, дополнительно пояснила Женя домашним. — И нужно, чтобы, когда я буду приходить из школы, меня кто-нибудь встречал.

— Господи,— сказала бабушка,— а то ее не встречают.

Взрослые еще какое-то время сопротивлялись, но медленно привыкали к этой новой для них мысли: завести собаку. Взрослые люди всегда трудно привыкают к новому, в обращении с ними нужна постепенность. Между тем день рождения близился, а Женя стояла на своем. И взрослые, наконец, сдались.

— А ты, папа, будешь гулять со щенком,— сказала мама бабушке..

— Отчего я?— удивился дедушка. — Я что, самый свободный человек в этой семье?

— Тебе, дедушка,— пояснила Женя,— будет полезно не только бегать по утрам, но и гулять перед сном.

Дедушка посмотрел на бабушку, но та этих слов как будто и не услышала. Она лишь сказала, что за собакой нужно ехать на Птичий рынок и там присмотреть кого-нибудь посимпатичнее.

— Там очень милые зверушки, — сказала бабушка. — А если ничего подходящего не найдется, можно купить попугая.

— Попугая вы купите только после моей смерти,— сказала Женя. И добавила, подумав: — Тогда мне уже будет все равно — попугай или собака.

Этой формуле только после моей смерти научила ее тоже бабушка. Впрочем, Женя несколько изменила бабушкину фразу, но все равно получилось эффектно.

— В конце концов, можно завести кота, — вставил дедушка, которому, видно, не очень понравилось, что его хотят определить выгуливать собаку. Дедушки всегда поначалу сопротивляются, когда им пытаются вменить какие-нибудь новые обязанности по дому.

Но мама на удивление решительно, что было ей мало свойственно, она была скорее нерешительная мама, твердо сказала:

— Что же это получается? Значит, я не могу своей любимой единственной дочери купить на день рождения что-нибудь стоящее, а не второго сорта и по дешевке?

— Семь лет бывает раз в жизни,— напомнила родным Женя.

— На птичьем рынке запросто можно купить больное животное без родословной,— продолжала мама. И добавила: — И недокормленное.

— Ну уж, и больное,— не сдавалась бабушка. —Ты говоришь так, будто собралась не собаку заводить, а замуж выходить. И зачем, скажи на милость, собаке родословная?

— К тому же, Птичку перевели черт знает куда, за город, за кольцевую автомобильную дорогу,— добавила мама,— я даже не знаю, как туда ехать. Я всегда на этой самой Кольцевой теряюсь и не могу найти съезда. А родословная нужна, чтобы выставлять собаку на выставках.

— Не чертыхайся при ребенке, — сказала бабушка.

О какой птичке идет речь, Женя не стала спрашивать, было не до того. Потому что мама сказала:

— Я даже знаю, какую надо брать породу. У нас на бульваре гуляет пес Афоня. Он лабрадор. Рыжий и лохматый.

— Еще чего не хватало,— охнула бабушка,— сколько ж от него будет шерсти на ковре.

— На диване, — уточнила Женя, заранее вступая в бой за дозволенную зону обитания своего щенка. — К тому же, не такой уж он и лохматый, — добавила она.

— По вечерам с ним гуляет один весьма авантажный господин, — задумчиво сказала мама. — А наш лабрадор будет гладкошерстный. И шерсти от него почти совсем не будем.

— Именно, что почти, — проворчала бабушка.

Авантажный это как, подумала Женя. Ей отчего-то представилось, что авантажный, это как бы закрученный винтом. Но она не стала задавать лишних вопросов, чтобы не отвлекать маму от совершения доброго дела. Потому что мама бывала очень рассеянной.

Мама открыла телефонный справочник, нашла нужное, взяла трубку телефона и набрала номер.

— Я где-то слышала, — пояснила она окружающим, — что именно лабрадоры самые лучшие детские друзья.

— И где ты могла это слышать? — осведомилась бабушка, которая, наверное, имела какое-то предубеждение против породистых собак.

— Где уж и не помню, — сказала мама. — Алло, это общество, разводящее лабрадоров?

Потом она долго препиралась с кем-то, настаивая, что ей нужен не ретривер, а именно лабрадор. Причем гладкошерстный. Но, наконец, мама уяснила, что это одно и то же.

— Понятно, понятно, — сказала мама нетерпеливо, — лабрадор ретривер — это одна и та же собака, а не две. Пишется через черточку? — спросила она потом.

По-видимому, ей ответили в том духе, что, мол, как хотите, так и пишите. Но все-таки, несмотря на ее невежество в области пород собак, дали адрес и телефон заводчицы.

— Все еще встречаются у нас грубые люди,— заметила мама, пожимая плечами, — что я такого спросила. Так вот, чтоб вы знали, у заводчицы — сука Силки.

— Света, это грубо, — осуждающе сказала бабушка. Она до сих пор учила дочь хорошим манерам, хотя маме Жени было уже тридцать лет. Почти, обычно уточняла мама.

Дедушка в кресле читал газету и ни во что не вмешивался. Быть может, он до последнего надеялся, что пронесет, и ему не придется утром и вечером гулять с собакой, которую он и в глаза не видел.

— Я не виновата, что собачьих девочек зовут суками, — сказала обиженно мама. — А мальчиков — кобелями. Это совершенно официально.

— Официально или не официально, но при ребенке надо выбирать выражения,— сказала бабушка.

— Что ж, Силки — это неплохо,— размышляла тем временем мама вслух, бабушку не слушая, потому что если все время слушать бабушку, то ничего не успеешь сделать. — Шелковая, надо понимать. Так ведь, Женя?

— Точно,— сказала Женя. — Супер. Шелковая, какая ж еще. Звони этой самой взводчице.

Маленькая Женя часто путала слова, что, впрочем, случается и с взрослыми людьми. Скажем, когда бабушка читала ей вслух Евгения Онегина, то Женя потом декламировала так:

Легко мазурку танцевал

И кланялся беспрекословно...

Отчего-то слово беспрекословно у нее выскакивало само собой, вместо принужденно.

— Заводчице, — поправила ее мама.

Пока мама дозванивалась, Женя думала, что и заводчица слово тоже грубое. Дурацкое слово, если честно, неизвестно что означает. Впрочем, взрослые часто говорят несурезицы нечеловеческим языком. Хозяйка Дженниной мамы, вот как надо говорить. А что собачья девочка будет называться Дженни, это Женя еще раньше придумала. Она же сама — Женя, а лабрадор — иностранка, мама у нее англичанка Силки, так что Женя по-ихнему будет Дженни. А поскольку бабушка, английская переводчица по специальности (была переводчицей, пока дочь не подарила мне внуку, любила пояснять она), уже два года занималась с Женей языком, та задумалась: интересно, будет ли понимать будущая Дженни по-английски. Или еще нет?

Мама уехала. И очень не скоро, как показалось Жене, вечность прошла, вернулась домой со свертком на руках. Когда развернули одеяло, в нем оказался спящий щенок со смешно свисающими ушами. Мама постелила одеяльце в прихожей около входной двери и заявила, что здесь будет собачье место. Что ж, Женя часто замечала, что взрослые — очень наивные люди. Разумеется, Дженни ночью будет спать вовсе не у двери, а в ее комнате на ее тахте. Они уместятся вдвоем, наверняка. А днем в гостиной в бабушкином кресле. Правда, бабушка об этом еще не знает, но ничего, привыкнет. Взрослые быстро привыкают, хоть для вида поначалу и кочевряжатся. Это слово произносит бабушка,

когда Женя отказывается есть поутру овсяные хлопья с молоком. Мол, перестань кочевряжиться.

— А я и не кочевряжусь, — отзывается Женя. — Но без повидлы есть ни за что не буду.

Слово повидло она произносила именно так. По сходству, возможно, со словом дылда.

Маленьких всегда норовят лишить детства

Сейчас-то Женя может произнести не только слово кочевряжится, но и лабрадор, и ретривер, но это у нее получилось не сразу. Поначалу, когда Дженни только появилась у них в доме, произносить все это было трудно. Она тренировалась, тихо глядя Дженни, хотя щенок все время спал, к ее разочарованию. Но бабушка объяснила, что это нормально для детей этого возраста: поест и спит.

— Ты тоже была такой, ела и спала.

— Иногда орала, правда, — добавил дедушка.

— Плакала, — поправила бабушка.

— А как вы думаете, — спросила Женя, — Дженни еще долго будет в таком возрасте?

— Ох, недолго, — вздохнула бабушка и ушла на кухню.

Время у семилетних девочек летит быстро. Как и у трехмесячных щенков лабрадора. И вскоре Дженни уже стала вилять хвостом, гоняться за теннисным мячиком, который нашелся в кабинете дедушки, а потом принялась грызть ножку антикварного стола, который был дорог бабушке как память.

— Это у нее режутся зубки, — жизнерадостно объяснил дедушка, который иногда в сердцах называл бабушкин одноногий стол, коли тот попадался ему на пути, хламом. Но когда дело дошло сначала до шнурков, а потом до вкусной прорезиненной подошвы его кроссовок, дедушка уже не был так благодушен, а тихо ворчал про себя.

— Нечего бросать свою обувь, где попало, — жизнерадостно сказала бабушка. — Сколько раз тебе говорила.

— Пусть Дженни лучше съест мою муклу Машу, — сказала щедрая Женя. — И зайца, — добавила она, подумав. — Ведь мне теперь они больше не нужны, — решила она, глядя на щенка.

Через месяц специальный доктор-ветеринар сделал прививку Дженни сразу от пяти болезней. Это удивило Женю: все-таки удобно быть собакой. Наверное, и собачьи лекарства такие же: слопал одну таблетку — и ото всего здоров.

В шесть месяцев Дженни было разрешено выводить на улицу, чтобы не было от нее так много луж в коридоре, которые прикрывали газетами. Газеты быстро кончались, и подчас в дело шли свежие, только из почтового ящика. Отчего дедушка приходил в полное расстройство.

— Имейте в виду, — говорил дедушка, — то, что вы делаете — абсолютно неправильно и бесполезно. Коммерсантъ печатается на такой бумаге, что ничего не впитывает. Постилайте свою Вечернюю Москву...

— Еще как впитывает, — отвечала бабушка. — Выжимать можно твой Коммерсантъ.

Так или иначе, хоть дедушка и сопротивлялся, правда, пассивно, на первых порах гулять со щенком определили все-таки именно его. Что ж, дедушка хоть и совсем старый с седой бородкой, страшно подумать — ему целых пятьдесят лет, но все равно еще очень спортивный. Он бегаёт по утрам на Чистых прудах, которые видны из окон их дома. Делает круг, потом второй, а там идет домой под душ. И даже почти не задыхается.

Женя долго не могла понять, почему пруды называются прудами, когда их — всего один пруд. Но бабушка объяснила, что когда-то прудов было несколько.

— Остальные исчезли. С течением времени, — грустно сказала она. — А название осталось.

— А куда исчезли? — поинтересовалась Женя. — Утекли?

— Да кто ж его знает, — вздохнула бабушка. — В жизни часто так бывает: было, было, а не успел оглянуться — уже нет. Вот объясни мне, куда исчез индийский чай со слоном?

Женя не понимала, причем здесь слон, и куда он исчез.

— Вечно ты преувеличиваешь, Таня, — сказал дедушка. — Никуда не исчезал твой индийский чай. Просто он стал встречаться реже.

— Ну, как все редкие виды, — сказала мама. — И его занесли в Красную книгу.

— Не говорите глупости, — сказала бабушка.

А Женя подумала, что Красная книга, наверное, очень важная, потому что туда заносят редкие виды. Но ни о чем спрашивать не стала, отложила на потом, что-

бы бабушка не сказала о, как ты надоела мне с этими своими вечными вопросами...

По утрам дедушка продолжал бегать в теплом тренировочном костюме и в кроссовках, которые Дженни не успела доесть.

— Вот, — говорила мама, — теперь Дженни уже совсем скоро будет бегать с тобой.

— Не угонится, — бодро говорил дед. Наверное, он все же надеялся, что его женщины подшучивают и скоро забудут об этой своей идее. Впрочем, он мог бы знать, что женщины очень редко отказываются от своих, кажущихся им удачными, идей.

Но однажды Женя твердо заявила:

— С Дженни буду гулять я!

Это было очень смелое заявление, потому что Женя не только со щенком, но даже сама с собой одна еще не гуляла. Так, чуть-чуть по утрам во дворе с уговором, чтобы бабушка ее видела из окна кухни.

— Ну, и ты, конечно, — торопливо согласилась мама, напрасно опасаясь, что, если с ней спорить, ее дочь от огорчения может зареветь.

Но Женя уже не была такой плаксой, как раньше. А когда в ее жизни появился щенок, она и вовсе разучилась плакать. Потому что сразу стала взрослой, раз ей нужно нести ответственность за того, кто меньше и беспомощнее.

Так или иначе, но теперь по утрам, до того, как дедушка завтракал и уезжал на работу в свой институт, Женя надевала на Дженни ошейник, прицепляла к ошейнику поводок, дед облачался в свой спортивный костюм, и они втроем шли на Чистопрудный бульвар.

По правде говоря, неуклюжей маленькой Дженни вовсе не нужен был ни поводок, ни ошейник. Бегала она еще не так быстро, как дедушка, и Женя всегда могла за ней угнаться.

Но мама сказала:

— К поводку собаку нужно приучать с детства.

Вот так и лишают детства маленьких: английский, овсяные хлопья, фигурное катанье, дай лапу и одна еще более ужасная фраза тебе пора спать, когда по телевизору все только начинается. А теперь еще и поводок с ошейником для маленькой Дженни, которой они вовсе не нужны. Хорошо еще у нас пианино расстроено, а у меня не оказалось слуха, думала Женя, не то засадили бы музыкой заниматься, как Наташку.

У собак тоже бывают папы

С Наташкой они почти перестали дружить. Во-первых, потому, что у Жени теперь было очень мало свободного времени. А во-вторых, Наташка глупая, она однажды спросила, указывая на Дженни:

— А кто ее папа?

Наверное, она так сказала от зависти, потому что у Жени была Дженни, а у нее — нет. Кто ж ей купит такого щенка...

Дело в том, что у самой Наташки не было бабушки. То есть была, конечно, но жила далеко, в каком-то Спальном районе, такое странное название. Но папа у Наташки был.

А вот у Жени папы не было. Точнее — он был, но однажды, когда Жене было года три, он уехал в коман-

дировку и с тех пор не возвращался. Дедушка тоже иногда уезжал в командировки, но всегда приезжал обратно. А у Жениного папы командировка, видно, очень затянулась. Мама как-то объяснила Жене, что ее папа — геофизик. И что гео — это земля. А физика исследует всякую природу. Что ж, сообразила сообразительная Женя, земля же — она большая, пока еще ее всю объедешь и исследуешь...

И, тем не менее, вечером Женя спросила у мамы:

— Скажи, вот у Дженни мама Силки. Но должен же быть у нее и папа?

— Конечно, еще какой!

И мама достала из ящика письменного стола большой, глянцевый и красивый, разлинованный лист. Они уселись на диван, а Дженни улеглась у ног хозяйки.

— У нас очень породистая собака, и ее родословная известна до пятого колена.

Женя не стала спрашивать, что бы это могло значить. Не стоит сбивать маму с толку, потому что, как уже было сказано, та легко отвлекалась. Вот и сейчас она начала было:

— Вот я знаю свою родословную только до своего дедушки...

— Мама, — строго сказала Женя, — мы сейчас говорим не о тебе. И не о твоём дедушке. Мы сейчас говорим о Дженни.

— Ну, да, — легко согласилась мама. — Вот, смотри. Папу твоей Дженни зовут... зовут... Фландерс Прайд Каббана, — не сразу выговорила она. — Так здесь сказано.

— А дедушку? — спросила Женя.

— А дедушку? Дедушку... дедушку, — водила пальцем по глянцевому листу мама. — Ах, вот. Дедушку зовут Маршалл Браун. Наверное, Дженни в него такая коричневая.

— Да, если Браун — то коричневый, — подтвердила Женя серьезно. И спросила: — А бабушку?

Женя была пытливой девочкой. Пытливой и настойчивой.

— Бабушку зовут Яни Силки Фел, — прочитала мама.

— Понятно, — сказала Женя, — хорошая у нашей Дженни семейка. Ни одного русского имени.

— Да уж, — подтвердила мама, — здесь есть еще и Ретривер Глэдис, и Випер Ван Балкенхоф.

Казалось, мама была озадачена.

— Да, хозяйка Силки недаром была такая торжественная, когда вручала мне Дженни. Она сказала, что я совершаю очень выгодную покупку. Нет, сделку. Буквально так и сказала.

— Ну, конечно, — сообразила Женя, проявляя странные для ее возраста задатки бизнесмена, — ведь когда у Дженни будут щенки, мы их продадим еще дороже.

— Этого только не хватало, — сказала мама, — чтобы я спекулировала щенками. Мы раздадим их в хорошие руки.

— А как ты определяешь — какие руки хорошие, а какие нет? — спросила Женя.

Но на этот вопрос мама не ответила. Наверное, подумала Женя, не ответила потому, что сама не знала ответа, ведь так сразу хорошие руки не определишь.

— Ах, вот, это, кажется, ближе, — сказала мама. И громко провозгласила: — Анрайволд Джой Рус Кэрлинг.

— И ты думаешь, — спросила Женя, — это русское имя?

— Ну, не знаю. Здесь написано Рус.

— Ах, Рус Кэрлинг, наверное, тоже англичанин. Но только русский.

— Ирландец, может быть. Кстати, — вдруг сказала мама загадочно, — а ты знаешь, как на самом деле зовут твою собаку?

— Знаю, — сказала Женя, — ее зовут Дженни.

— Нет, не знаешь. Дженни — это ее домашнее имя. А по документам она — Дилайт Рус Ретривер.

— Вот еще, — сказала Женя, — пусть по документам она и Дилайт, а у нас она — Дженни. Правда, Дженни?

Собака посмотрела на хозяйку и чуть шевельнула хвостом. Глаза у нее были сонные.

— Ты плохо занимаешься английским, — сказала мама тем тоном, который Женя любила меньше всего. — Что в переводе означает Дилайт? Ну-ка возьми словарь.

— Ах, — вспомнила Женя без словаря, — Дилайт — это же радость!

— И блаженство, — добавила мама.

— Спи, спи, моя хорошая Дженни. Моя Дилайт. Моя дорогая пса.

Последнее случайно вырвалось у Жени, но мама чуть не захлопала в ладоши. И весело рассмеялась. И привлекла дочь к себе, что, кстати, делала не часто. И не потому, что не любила Женю. Просто сама Женя не

очень любила нежности. Нежности, как она это называла, это когда взрослые теребили ее как куклу.

— Какая ты у меня дурочка, — ласково сказала мама.

— Вовсе не дурочка. Подумай сама. Конечно, Дженни у нас — пса, — обиженно сказала Женя. — Ведь пес — это когда мальчик. А девочка — значит, пса, неужели не ясно.

Общество на бульваре

Утром на бульваре, когда здесь с Дженни бегал дедушка в покусанных кроссовках — он все никак не мог собраться купить новые — было не очень весело. Потому что все торопились на работу и прогуливали своих собак наспех, кое-как. Много интереснее на бульваре бывало по вечерам, потому что, едва по телевизору начиналась программа Время, здесь собиралось очень много собак.

Женя очень любила эти вечерние прогулки с дедушкой и Дженни. К тому же, если вечером мама не шла в театр или на концерт, гулять с Женей и Дженни отправлялась она.

Мама Жени с недавних пор тоже очень полюбила эти прогулки. Быть может потому, что Дженни уже познакомилась с лохматым Афоней, а мама — с его хозяином, который оказался кем-то вроде артиста: носил усы, поверх пиджака — закрученный на шее красный шарф, и плохо заботился о своем здоровье — курил трубку.

Дженни подросла, окрепла и уже освоилась не только в квартире, но и во дворе, и на бульваре, и открыла для себя полный новых запахов большой мир. Сначала, правда, Дженни пугалась трамвая, но потом и к трамваю привыкла. Теперь она могла общаться почти на равных даже со взрослыми собаками. А поскольку она была дружелюбна и вежлива,— собаки ведь похожи на своих хозяев, это давно известно,— то у нее скоро завелось на бульваре много хороших друзей

По вечерам на бульваре собиралось собачье общество. Черно-белая бернская овчарка Марта, большая и ласковая, любила прихватить Дженни за ухо, но когда та взвизгивала, отпускала и лизала младшую подругу. С ней гуляла знакомая Жениной бабушки из соседнего подъезда Нина Николаевна, которая всякий раз говорила Жене:

— Ты в следующий раз непременно пригласи с нами погулять твою бабушку, что она все сидит взаперти.

— Бабушка готовит дедушке ужин,— отвечала Женья. — И вообще она у нас дальше магазина не ходит.

— Понимаю, — вздохнула Нина Николаевна, — я бы и сама не ходила, да только внуки собаку завели, а гулять не хотят.

— Ветреная пошла молодежь, — сочувственно говорила Женья и тоже, как и Нина Николаевна, качала головой.

Впрочем, когда появлялся брат Марты по породе Данила, то она убегала с ним в дальний конец бульвара, тут же забывая про младшую подругу. Что ж, Дженни, наверное, тоже побегала бы с Данилой, но тот был очень взрослый и носился такими прыжками, что никак

было за ним не угнаться. А Женя думала: как же он пасет овец в своих Альпах, когда он такой непоседливый. Это Нина Николаевна всё ей объяснила про Марту, про Альпы и про овец.

Двортерьер, как называла породу своей собаки его хозяйка Ира, по имени Гай оказался довольно мрачным типом. Он не имел никакой специальности, на девушек не обращал внимания, а сосредоточенно обнюхивал каждый столб и каждый ствол и то и дело задирает ногу. Как хорошо, что у нас пса, а не пес, думала Женя, ведь если бы Дженни была пес, то и ей приходилось бы так же часто задирает ногу. А это не только неинтеллигентно, но и, должно быть, страшно утомительно.

С немецкой овчаркой Эммой гуляла тетя Зоя, которая была страшно разговорчива. Хорошо хоть она появлялась, когда программа Время кончалась, потому что тетя Зоя, хоть и не интересовалась новостями спорта, не могла пропустить прогноз погоды. Впрочем, политические новости ее тоже не интересовали, а прогнозом погоды она охотно делилась, ведь многие, гуляя на бульваре, не успевали узнать, что завтра обещали заморозки ночью, вы представьте себе этот ужас.

— Ведь если бы я уже посадила рассаду, то пришлось бы ехать пленкой закрывать, — говорила тетя Зоя. Быть может, по закону обратного сходства, Эмма была очень молчаливой служебной овчаркой и никогда не лаяла по таким пустякам, как дурная погода.

Фунт, для своих Фунтик, был китаец породы шарпей. Этот был задумчив, ходил медленно, как будто ему мешала огромная его рыжая шкура, собранная в крупные складки. И часто зевал. Его хозяин говорил, что в

Тибете он тоже пасет овец, но Жене как-то не верилось. Когда Фунт зевал, то делалось видно, что нёбо у него не розовое, как у Дженни, а густо фиолетовое. И Жене становилось не по себе.

Дженни тоже побаивалась Фунта, хотя тот вел себя довольно мирно, и при его появлении жалась к Жениной ноге. Правда однажды, когда его хозяин остановился поболтать со знакомой дамой, шарпей подошел к нему сзади и так дернул за штаны, что тому пришлось срочно бежать домой — переодеваться.

Сеттер-гордон Сэм огненно-красной масти гулял сразу с двумя хозяйками, мамой и дочкой Лизой, но Лиза была старше Жени, училась уже в третьем классе, и считала Женю маленькой. Точно так же относился к Дженни и Сэм, не проявляя никакого интереса, но то и дело поглядывая на плававших в пруду уток. Потому что он был охотничьей породы. Дженни тоже поворачивалась к нему задом, как бы говоря: ну и пусть, нам и не хотелось, у нас разные интересы.

И правда, утки Дженини ни в малой степени не интересовали — наверное, у нее еще не проснулись охотничьи инстинкты. В отличие от фокстерьерши Топси, которая то и дело бросалась в воду, но, слушаясь хозяина, тут же вылезала на берег, и вид у нее бывал огорченный и понурый. Странно, ведь фокстерьер должен бы охотиться на лис и барсуков и выгонять их из нор для хозяина-охотника. А этот интересовался утками как какой-нибудь сеттер или спаниель.

Было и еще много разных собак на бульваре в этот вечерний час, когда вдоль всей улицы загорались фонари, а на пруду чета лебедей готовилась ко сну и прятала

головой под крыло. Иногда появлялась ротвейлерша Бетти, довольно вздорного нрава взрослая дама, которую ее хозяин никогда не спускал с поводка. Точнее, с довольно толстой цепи. Выходил на этот собачий променад и красавец мастино-наполитано Тит. Довольно симпатичный малый, но избалованный, из богатой семьи, вальяжный. С ним гуляла домработница хозяев, которая называла его не иначе как телок. Хозяйка голден-ретривера Карина куталась в цветастую шаль, и от нее всегда сильно пахло то ли ликером, то ли коньяком. Пудель Филя приходил редко, он хромал на одну ногу — согласно тому же правилу сходства, его хозяин Сережа тоже был контуженным на войне. Боксерша Настя никогда не снимала свою медаль. Пара пожилых седых колли, Семен и Федор, гуляли с хозяином — старым художником, и было известно, что где-то в ближайших домах у него огромная мастерская под крышей. Кавказская овчарка Лада была слишком большая для дружбы. Как и черный терьер Леон, которого за глаза все называли запросто Левой. Карликовые доберманы Чук и Гек подходили по размеру, но были ужасно сварливы и все время гавкали тонкими противными голосами. А вот с черным маленьким таксом по имени Геркулес можно было бы свести дружбу, но это был очень грустный пес нелегкой судьбы: еще в детстве ему прищемили хвост. Так что теперь это был короткохвостый такс.

Собраться на дачу — это подвиг

Между тем пришел май, и Дженни очень выросла. Она до того выросла, что, встав на задние лапы, могла

положить передние Жене на плечи, и, конечно, поцеловать хозяйку, лизнув ее в нос своим горячим шершавым языком.

В пятницу нужно было собираться на дачу. Собраться с тем расчетом чтобы выехать в субботу с раннего утра. Потому что в субботу с утра мама надеялась проскочить до дачи без пробок. Она вечно надеется проскочить, но чаще всего это у нее не получается. Может быть, она просто невезучая, думала иногда Женя. И в такие минуты жалела маму, потому что Женя ее очень любила. Почти как бабушку.

Сборы на дачу — очень ответственное семейное мероприятие. Нужно было ничего не забыть, но все равно, конечно, что-нибудь да забывалось. Ведь осенью на даче почти ничего не оставляли на зиму без присмотра. Ну, кроме дедушкиного кресла-качалки, которое не влезало в мамину машину. И прочей громоздкой мебели: двух больших шкафов, уютного дивана с откидными валиками на веранде, дедушкиного письменного стола в его кабинете на втором этаже. Оставались также зимовать и матрасы, и большие ватные подушки. И кое-какие кастрюли. И кое-что по мелочи: Женины книжки-раскраски издательства Малыш и просто книжки сказок — для чтения мамой вслух Жене перед сном. Все прочее каждую весну приходилось собирать заново.

Руководила сборами, разумеется, бабушка. У нее было составлено целое расписание: что и когда собирать. Первая часть — это общее семейное имущество. Вот этот перечень.

Постели

четыре комплекта белья

Пледы, одеяла

одеяла два коричневых, одно с лошадьё

Женин плед верблюжий

три пледа клетчатых

Скатерти

для гостей белая

две цветных

клеенки в сад и на кухню

А также две маленьких подушки и полотенца

Электрика шла отдельным списком, и это был длинный список. Там значились телевизор, три нагревателя (один водный), радиоприемник на веранду, транзистор деду, тостер, кипяtilьник, удлинители, тройники, чайник, лампы 4 шт. Да что я вам все это перечисляю — тот, кто хоть однажды собирался на дачу, сам может дополнить этот список.

Пока бабушка хлопотала, дедушка прилег на диване и читал журнал Огонек. И вдруг жизнерадостно закричал: господа, вы только послушайте, что здесь пишут. Он всегда своих женщин называл господа, что, в общем-то, было верно. Все собрались вокруг него, даже Дженни, и дедушка стал читать с выражением:

Дача как побег и подвиг

Главное, не забыть семена и рассаду — вот вам последний совет. Укропа и петрушки, редиса, редьки, лука перьевого, гороха кормового, маиса. И любимый свитер. Все остальное вы купите за небольшие деньги в вашем поселковом магазине. Как то: ласты, маску, раш-

пиль, тяпку, прочие приспособления аквалангиста, маску пасечника, удочку для ужения, календарь»...

— Странно, — перебила бабушка, — здесь ничего не сказано про цветы. Скажем, про семена левкоя и про клубни георгинов.

— Ты зря воспринимаешь эту статью, как серьезную инструкцию. Это — шутливая статья, — объяснил дедушка. И стал читать дальше:

«Если вы последуете этому бескорыстному совету, вам удастся отвлечься от тоски по воле и от семейных мелочей. И прежде другого — от томительных воспоминаний о пропавшем. Потому что за время вашего зимнего не присутствия дачный скарб поредел и прохудился. Исчез копательный и рубящий инструмент, который вы предусмотрительно держали подпольно под детской кроваткой, растворилась в вечности любимая треснутая кружка в цветок, раковина окончательно прохудилась, улетела из-за верандной двери лопата штыковая, пропала совковая, нет топора, утек молоток, нечем вспахивать и рыхлить. И умыкнута оказалась лейка, что уж вовсе удивительно, потому что пить из нее утоительно, если вы пробовали, а поливать зимой решительно нечего»

— Что ж, это довольно правдивое описание, — сказала мама. — У нас тоже прошлой зимой сперли все сковородки до единой. Кому понадобилось столько сковородок?

«На этой мысли вы успокоитесь, — выразительно читал дедушка. — Особенно когда вспомните, что кошелек при вас, разменных денег на зиму вы здесь не оставляли, ваш банк еще не обанкротился, все в порядке

и жена никак не может подозревать вас в измене». И дедушка выразительно посмотрел на бабушку. «И вы еще относительно молоды. Дышите свежим воздухом полной грудью, глядя окрест. Потому что вы теперь — на даче, куда так давно стремились в мечтах, устав вдыхать пыль и гарь».

— Да уж,— перевел дыхание дедушка и продолжил:

«Конечно, вы — обескуражены, вы льете тайные миру слезы о пропавшем из заветных тайников. Вам жаль прошлого, будущее неясно. Но — мужайтесь, скоро вас утешит ряд открывшихся один за другим, мало помалу, приятных всякому постояльцу последних новостей дачного поселка. А именно: у соседа в феврале уперли с веранды сломанную бензопилу, соседка лишилась громоздкого дивана, которым гордилась, и комода, якобы доставшемся от бабушки-якобинки,— этой мебелью, надо думать, в морозы грелись окрестные бомжи, среди которых еще поздним сентябрем было немало интеллектуалов; на соседней улице сожгли дачу, ограбили фанерный ларек, прибрав полиэтиленовую упаковку майонеза с невыясненным сроком годности, увели кастрированного кота, украли два кошелька и портмоне с карточкой клуба «Монолит» и...», — тут дедушка запнулся и поднял глаза на слушательниц.

— Ты читай, читай, — сказала мама, — мы уже взрослые.

— «...и съели пекинеса...».

— Людоедская какая статья, — заметила бабушка.

— «Но этого мало, — читал дальше дедушка с возрастающим оживлением,— от соседки, неземной кра-

савицы в шубе из беличьих хвостов, жившей за бронзовыми воротами с кружевами и позолоченными блямбами, петушок на башенке отдельно, еще зимой ушел муж на мерседесе, и едва ли вернется. К тому же, скоро пойдут грибы, а в ваш поселковый магазин завезли свежую сметану и плоскогубцы. Можно жить. Впрочем, перемерз, конечно, насос, обвисла электропроводка, капает капель сквозь крышу веранды, но это не должно вас слишком огорчать. Потому что сезон только открылся, и электромонтер придет к вам не позже августа».

— Пустая болтовня, — сказала бабушка. — Не морочь голову, мне собираться надо. Собрать всех вас — вот это подвиг.

— Подожди, подожди, Таня, самое главное впереди. «Мы подошли к коренному вопросу. А именно: зачем интеллигентному человеку, говорящему с пятого на десятое на нескольких языках»...

— Это не про меня, — сказала бабушка. — Я говорю по-английски без акцента. И перевожу на него с русского.

— Это обобщенно, Таня, — объяснил дедушка. Так вот: «... зачем интеллигентному человеку, выросшему на урбанистском пленере, — дача? К чему ему с трудом пытаться сохранить достоинство, лежа в гамаке и кутаясь в мешанскую пижаму, делая вид, что он читает Шопенгауэра в подлиннике, и выкапывать на зиму клубни гладиолусов? Отчего его так сладко тянет уже в февральские метели — к заветному камельку, для которого запасены сырые дрова? Зачем он мучается уже в марте, застряв в машине в пробке на Нижней Масловке, зара-

ботает ли насос и распустится ли слива? Ответ — потому что он лелеет мечту о побеге»...

— Это — критический реализм, — заметила мама. — Я имею ввиду пробки. И мысли о сливе.

Здесь дедушка воодушевился так, что поднял вверх палец:

«Дача — как замок, как способ спрятаться, как инструмент эскаписта. Как феодальное владение, табуированную границу которого может пересечь только финансовый инспектор. Но это как раз инспектор того рода, с которым легко договориться. Дача повышает вашу самооценку. Вы становитесь на ней истинно частным человеком — вопреки этимологии слова. Язык не обманывает: вы чувствуете себя именно частником, что в обиходе означает владельцем. Не ответственным квартиросъемщиком, не нанимателем, не пайщиком или дольщиком, но — отдельным человеком. Гражданином. С поползновениями на права. Собственности. Можете сажать брюссельскую капусту под пленкой на своей земле. И если кто-то порекомендует на этом месте сажать капусту стручковую, вы спокойно можете послать советчика...»...

— А что такое стручковая капуста? — спросила Женя, которой хотелось поскорее собрать Дженни и усесться в автомобиль.

— Наверное, это тоже шутка, — неуверенно ответил дедушка, потому что был доктором технических наук и в ботанике понимал мало. — И продолжал: «Но помните: как кого-то тянет к земле, вас будет тянуть — на асфальт. Вам захочется глотнуть выхлопного газа, измазаться в городской пыли, принять ванну и позво-

нить знакомой. Не по мобильному. Выйти в тесный тенистый двор и поздороваться с соседкой, которая выгуливает внучку, лабрадора и мужа»...

— Это про тебя, бабушка, — заметила Женя.

«Вам будем нужно прильнуть к городским корням. И, глядя на закат, загоревшийся между высоких крыш, вы вспомните с тоскою, что завтра — за руль электрички, жена в панаме, тесть садит рассаду, зорю бьют, и недочитанный том в гамаке».

— Дай-ка мне журнал, — сказала мама. — Вообще-то это выпендрож и чушь, но я хочу показать эту статью одному знакомому.

Женя тут же догадалась, что один знакомый — это хозяин кудрявого Афони, артист с усами и трубкой.

— А мне, чем с вами прохлаждаться, действительно не забыть бы семян. А вот своё личное имущество каждый собирает сам! — сказала бабушка решительно и ушла по своим делам.

— Ты забыла про две новые колоды карт, — сказал дедушка. — И про свечи. Это из общего хозяйства. А что касается меня, то я всегда собираю свои личные вещи сам.

Конечно, это враки, подумала Женя. Потому что бабушка, когда дед собирался в командировку, всегда сама укладывала его чемодан. Но вслух ничего не сказала. Когда взрослые заливают, благоразумнее всего промолчать.

— Не забудьте две миски для Дженни, — только и сказала Женя. — Для корма и для воды.

— Вот ты и не забудь, — сказала бабушка. — Это твоя собака. И собери свой рюкзак. Не забудь теплые колготы.

— Да уж не забуду, — сказала Женя и выразительно посмотрела на дедушку. — Я-то ничего не забываю.

— А я составлю свой список, — гордо сказал дед.

И он его составил. Вот этот список:

Рубашка теплая

Свитер

Куртка

Шапка

Два шарфа

Костюм лыжный...

Когда он показал свой список бабушке, она спросила:

— А вот это что за пункт?

— Где? — чуть испугался дедушка.

— Вот этот. Написал, как курица лапой.

Вот странно, подумала Женя, курицы не умеют писать. Тем более лапой. Лапы — это у Дженни. А у курицы, у курицы... у курицы — ноги. Ножки, то есть. Вот так и надо говорить: написал, как курица ногой.

— Это лупа.

— Боже, зачем?

— Читать мелкий текст. Который не берут очки.

— И, скажи на милость, зачем тебе два шарфа?

— Как зачем. Для плохой погоды и для хорошей.

— А лыжный костюм?

— Но погода может совсем испортиться. Ты же знаешь, мы живем в средней полосе с весьма нестабильным климатом...

— Ах, знаю, знаю...

И бабушка махнула рукой. Потому что поняла, наверное, что и на этот раз ей придется собирать деда самой.

Старый дом

Дача в дачном поселке Нарядный досталась дедушке от его дедушки, инженера-путейца, железнодорожника по-нынешнему. Никто теперь не мог вспомнить происхождение этого названия. Женя предполагала, что поселок так называется оттого, что все дома здесь нарядные, некоторые с флюгерами в виде петушков. Флюгеры показывали направление ветра. Ведь каждому понятно, что жить на даче и не знать температуру воздуха и направления ветра просто неприлично.

Бабушка же утверждала, что название пошло от слова разнарядка, на что дедушка укорял ее в отсутствии поэтического полета мысли. Так или иначе, но поселок был основан очень давно, кусты и деревья за долгие годы буйно разрослись, и поселок уже весной утопал в зелени, среди которой виднелись там и сям бордовые и зеленые крыши.

Их дом был большой и деревянный, с резными блясинами на крыльце, похожий на пожилой терем. Иногда, в дождь, с потолка веранды подтекало и капало в подставленный таз. Сколько себя помнила Женя, а она помнила себя очень давно, почти с двух с половиной лет, дедушка с бабушкой каждое лето говорили, что надо сделать крышу. Но это они, наверное, шутили, потому что крыша на даче, конечно же, была. Наверное, не сделать, а починить. А мама говорила, что когда она са-

ма была маленькой, тоже каждый день слышала эти разговоры. Крыша была железная и гулкая, и весело было слушать, как в непогоду стучит по ней дождь.

Под стать дому большим был и участок, полгектара, такие в далекие времена давали заслуженным людям, которых, наверное, тогда было немного. Теперь-то заслуженных людей, будь то инженеры-железнодорожники или так, профессора, стало много больше, а земли, видно, не прибавилось. И дают нынче понемногу, так соток шесть-восемь. А здесь целых пятьдесят.

Судя по размеру участка, дедушка дедушки был весьма заслуженный человек-железнодорожник. И то сказать, тогда железные дороги были коротки, а страна большая, и хорошие железные дороги были в большой цене. Сегодня же железные дороги стали очень длинными, и на каждой станции дежурят железные дороги. Их теперь стало так много, что земли, конечно, на них на всех не хватает. А если учесть, что землю хотели бы иметь не только железные дороги, то и люди других профессий, то даже и не понять, откуда взять на каждого желающего даже по одной сотке, не говоря уж о восьми.

На участке росли высокие сосны, а перед самым домом — очень старый конский каштан, и незрелые еще, зеленые каштаны в ветреную погоду срывались с ветвей и тоже громко стучались о крышу веранды. Заодно с сосновыми шишками и обломленными ветками.

Женя часто задавалась вопросом, от чего каштан — конский, тогда как никаких коней в округе не было. И дедушка объяснил ей как-то, что на юге, во Франции,

бывают совсем другие каштаны, плоды которых жарят на специальных жаровнях и подают к столу в кафе на бульваре Сен-Жермен. И на Риволи.

— Когда ты будешь в Париже, — говорил дедушка мечтательно, — ты обязательно попробуешь жареные каштаны. И устриц. На Пигаль давали отличный устричный суп. И на Вогезах...

— А когда я буду в Париже? — спрашивала Женя.

— Уж и не знаю, — говорил дед. — Но все рано или поздно, если очень этого хотят, там оказываются.

— Не обманывай ребенка, — говорила тогда бабушка, — вот я в Париже никогда не была. Только в Лондоне. Но очень хотела.

И дед смущенно разводил руками...

Участок был таким большим, что пока Женя была маленькой, ей так и не удалось весь его обойти. Но теперь с Дженни они все излазят и исследуют, потому что Женя уже большая, раз в сентябре ее отдадут в первый класс.

Для начала они отправятся к старым воротам, далеко позади дома, туда надо выйти не через главное крыльцо, а через заднюю веранду, где стоит сломанный холодильник Саратов, который бабушка использует для хранения круп и муки. Это очень удобно, потому что мыши холодильники открывать не умеют.

Старыми воротами никто давным-давно не пользуется, и ворота покосились и держатся на двух жердях, которыми их прошлым летом подпер дедушка. Там справа лежит огромная куча сырых бревен, сухих веток и хвороста, а слева стеной стоит колючая дикая малина, на которой ближе к августу вызревают сладкие ягоды.

Правда, достать их трудно, дикая малина очень колючая. Но зато когда их ешь, то во рту остаются мелкие семечки, как будто в каждую ягоду положили немного манной крупы.

Дикую малину иногда рубят, потому что она растет быстро и буйно, наступая на бабушкины грядки с клубникой. Но куда там, она все растет и растет, такая упорная, и бороться с ней приходится каждый год. Под малинником повсюду лопухи и репейник, потому что у бабушки до того края участка руки не доходят. Так она говорит, но это, конечно, тоже ошибка, потому что не доходить куда-то могут только ноги. А дедушка одно время утверждал, что в этих лопухах живут гномы.

— А гномы кусаются? — как-то спросила Женя. Спросила исключительно для того, что дедушку не обижать. Потому что она уже знала, что гномы и тролли, что почти одно и то же, водятся совсем не здесь, а в других местах, в скалах и горах Норвегии, ей про это читала мама. А у них в саду живут только ежи, белки и семья дятла. Да еще иногда прилетают сойки с синими крыльями, если смотреть на них снизу.

Еще в саду по ту сторону дома стоит дровяной сарай, хотя печки в доме давно нет, ее разобрали, когда устанавливали газовое отопление, но это было, кажется, еще до рождения Жени, и Женя этого помнить не могла. Сарай был не просто сарай, а двойной: в одной половине еще оставались так и не использованные дрова, в другой хранился садовый инвентарь. Там, где дрова, не очень интересно, а туда где инвентарь Женя очень бы хотела попасть. Желательно без взрослых. Потому что когда дедушка как-то искал там грабли, то Женя

подсмотрела, как много дивного хлама там хранится. И желтый китайский таз с облупленной эмалью, на котором были изображены красивые китайские дома, похожие на те, что нарисованы в Москве на Мясницкой на стенах магазина Чай и кофе. И старые резиновые сапоги красного цвета. И велосипед без рамы со спущенными шинами, на котором когда-то ездила Женина мама. И даже чугунная швейная машинка Зингер, которой, по словам бабушки, успела попользоваться еще ее мама. Тогда было трудно с вещами, и шили сами, пояснила бабушка. Но так и не объяснила, что значит трудно с вещами. То есть магазинные вещи были непослушными, и лучше было иметь дело с домашними и ручными?

Все что располагалось по другую сторону дома, было не так интересно. За специальной оградой был бабушкин огород. Перед домом — цветник, и лучше всего к концу лета на нем пахли душистые розовые и белые флоксы. Бабушка всегда запрещала Жене забираться на клумбы, чтобы она не помяла растения. Она часто говорила: не мни цветы, не топчи рассаду, или ты не видишь, что здесь посажено.

— Беда с этой твоей бабушкой, помешана на огороде, — говорил иногда дед Жене, закрываясь на всякий случай газетой. И теперь страшно подумать, как надрессировать Дженни, чтобы и она туда не забралась. Скорее всего, это будет трудно, думала Женя, впрочем, Дженни очень сообразительная собака. Но весной определить, где посажено, а где нет, не всегда умеет даже грамотный взрослый человек.

Сбоку от цветника был Женин уголок. То есть песочница и качели. А когда было очень жарко, там же

дедушка ставил красивый надувной бассейн, на боках которого были нарисованы веселые дельфины и куда наливали холодную воду, чтобы постепенно она нагрелась от солнца. Эти дельфины очень нравились Жене, она хотела бы познакомиться с ними с живыми, но они жили далеко в теплом море. Об этом тоже читала мама Жене вслух, книжка называлась Кыш и я в Крыму. И Женья мечтала, что когда-нибудь тоже увидит море, мама обещала.

Сейчас, пока взрослые носили из машины вещи в дом, Женья первым делом повела Дженни показывать свою детскую площадку. Дженни, кажется, на ней очень понравилось. Потому что она тут же присела на песочке, высоко задрвав хвост. Заодно нашелся потерянный прошлым летом совок и покореженное ведро, с помощью которого маленькая Женья лепила из мокрого песка куличи.

Но самое интересное на даче была, конечно, сама дача. Стены ее были сложены из бревен, кое-где обитых маленькими дощечками, которые пахли сосновой смолой. Вагонка, смешно называл эти дощечки дедушка. По правде сказать, это было довольно неуклюжее строение, комнаты в нем разбегались в разные стороны, так, что и не сосчитать. Женина комната была на первом этаже, и сейчас, когда она вошла в нее, ей сразу же попала старая кукла, давно разучившаяся разговаривать и забытая на своей кукольной кровати, и огрызки цветных карандашей на столе. Надо же, подумала Женья, какой я была маленькой прошлым летом, в куклы играла.

Под лестницей, которая вела из гостиной на второй этаж, где обитал дедушка, был удивительно уютный уголок. Там стояла тахта, там горел маленький ночничок, и не удивительно, что после обеда там любила полежать с книжкой мама, поджав ноги под пледом. Прошлым летом иногда мама брала и Женю с собой на эту самую тахту, и читала ей вслух. Но Женя, пригревшись, скоро засыпала, а потом засыпала и мама, потому что нигде так хорошо не спится после обеда, как на даче под лестницей.

Нет, у мамы, конечно, была своя комната, но она ее не любила, потому что там ей было сыро. Мама вообще у Жени капризуля.

В бабушкину комнату, если смотреть с тахты под лестницей, дверь из гостиной вела направо. Налево же была столовая, в которой стояло сразу два резных буфета, а из столовой был проход на кухню. Впрочем, столовую использовали редко, только когда приезжали гости. Потому что,— это знает всякий настоящий обитатель дач,— основная дачная жизнь всегда происходит на веранде.

Веранда была большая, и здесь стоял еще один буфет. Над широким мягким диваном висели стенные часы. И бабушка говорила про них:

— Вечно спешат.

Куда им было спешить, думала Женя, они же на стенке.

Перед диваном — большой круглый стол, над столом — мохнатый абажур оранжевого цвета. Большие стеклянные окна, затянутые зеленой сеткой от комаров. В теплую погоду рамы отодвигались, и делались слыш-

ны и звон цикад, и стрекот кузнечиков, и малейшие шорохи живущего своей ночной жизнью сада. И становился особенно отчетливым в ночной тишине шум идущей по железной дороге, которая была за ближним лесом, московской электрички.

На веранде по субботам, когда ни маме, ни бабушке не нужно было ехать в город, и завтракали, и обедали, и ужинали. И сегодня бабушка решила, что ужинать они будут здесь. Потому что дом еще не просох, а перед верандой распустились кусты красновато-синей махровой сирени. И сирень пахла сладко-сладко, и Женя сказала вслух:

— Какое же это счастье, что у нас есть такая дача. Правда ведь, Дженни?

И Дженни не стала возражать.

А бабушка сказала, отчего-то со вздохом:

— Скоро и жасмин зацветет.

Новоселье Дженни

Когда все было готово — на круглом столе на веранде постелена скатерть, расставлены тарелки, разложены ножи и вилки, розданы салфетки, бабушка поставил посреди стола бутылку коньяка, бутылку красного сухого вина и бутылку кагора. Про кагор он сказал:

— Это для тебя, Таня. Марочное. Женское вино.

— Церковное, — поправила бабушка.

— А это для тебя, Светик, ты же любишь сухое красное.

— Спасибо, папа.

Коньяк, понятно, был для самого дедушки. Пожалуй, при сборах на дачу, это была дедушкина единственная обязанность — сходить в магазин Вина, и выбрать напитки каждому члену семьи по вкусу. Еще в его обязанности было купить кофе арабика, другого бабушка не пила, запас чая для всей семьи и орехи в меду для Женечки. А также вручную помолоть кофе на специальной машинке, потому что молотому в магазине кофе избалованная дедушкой бабушка не доверяла. Точно так, как не доверял избалованный ею дедушка постиранным и отглаженным в прачечной рубашкам...

Когда все расселись, дедушка встал из-за стола, торжественно поднял рюмку коньяка и произнес тост.

Вот что он сказал:

— Мои дорогие и любимые дамы. — Не сказал господа, заметила Женя, потому что сейчас был, по видимому, не тот случай, и ирония была неуместна. — Что ж, вот прошел еще один год, и все мы, слава тебе Господи, живы и здоровы. И бодры, надеюсь. Я хочу выпить за то, чтобы, как и всегда, нам хорошо и дружно жилось здесь, в этих стенах, и этим летом. Поверьте, здесь всегда жили очень хорошие люди. Впрочем, это вы знаете. Кроме того, у нас в доме произошло важное событие: прибавление семейства. Закончить тост я предлагаю моей обожаемой внучке Женечке.

— Что тут скажешь, — важно сказала Женя, тоже вставая со стаканом минералки в руке. Потому что дед ей по такому случаю в стакан минеральной воды капнул чуть-чуть кагора. В таких случаях бабушка обычно вопрошала:

— Зачем ты спаиваешь ребенка?

На что дед обычно отвечал, что сделал для внучки шик-мадеру, откуда только взял это слово, сам придумал, наверное.

—А красное вино в ограниченном количестве французы дают даже младенцам, потому что оно очень полезно.

Бабушка замечала обычно:

—Но мы не французы.

И дедушка не находил, что ей возразить.

Но на этот раз бабушка спорить не стала.

—Что тут скажешь, господа,— продолжала Женя. — Дженни повезло, она попала в хорошую интеллигентную семью, где плохому не научат. Надеюсь, все вы будете относиться к моему щенку по-человечески, то есть соблюдать по отношению к ней и ко мне права человека. В противном случае мы никому спуска не дадим, верно, Дженни. Все поняли? За это я и хочу, чтобы вы выпили.

И все выпили, хотя, наверное, чуть перепугались. Потому что Женя была очень строгая девочка. И потому еще, что у Дженни с каждым членом семьи уже сложились свои отношения.

К бабушке Дженни относилась с настойчивой привязанностью, потому что бабушка ее кормила, хоть и гоняла со своего кресла. С тем, что Дженни, сидя на диване, смотрит телевизор, она уже смирилась. Ведь Дженни смотрела исключительно передачи про собак, особенно про Мухтара, потому, наверное, что тот много лаял. Но, к сожалению Дженни и на радость бабушке, про собак у нас показывают нечасто.

Дедушку Дженни использовала для игры. Она любила тянуть его за шнурки ботинок и за шнурки кроссовок. А еще, когда он приходил с работы, хватала один из его домашних тапок, которые приготовила у двери бабушка, и долго носилась по квартире с тапком в зубах. Пока не сдавалась на кроткие уговоры деда и не клала тапочек ему под ноги. Но и этого мало: иногда, коротко лая и показывая носом, она отправляла дедушку искать теннисный мяч, если тот закатился под диван. И было весело смотреть, как дед со шваброй в руке стоя на коленях на ковре пытается этот самый мяч достать. За все это, наверное, она его слушалась. А может быть потому, что понимала: как-никак дедушка единственный мужчина в доме, а мужчины очень доверчивы, и обижать их не стоит. Поэтому она иногда смиренно подходила к нему и подставляла спину, чтобы дедушка погладил ее или почесал.

В отношении Дженни к маме проскальзывала некоторая небрежность. Нет, конечно, она могла лечь перед мамой, перевернувшись на спину, позволяя почесать себе животик, но не более того. С мамой она не играла и целовала ее редко: так, чуть лизнет в нос, если та уж слишком пристанет с ласками. С нежностями, по женинному.

Ну, а Женя — Женя другое дело. Женя была не просто любимая хозяйка, но сестричка и подруга. Дженни клала при случае ей голову на колени, или ложилась у ее ног, или забиралась ночью на подушку, голова к голове. И будила утром ровно в восемь, минута в минуту, как будто смотрела на часы. Будила, покусывая ей ухо, а едва Женя просыпалась с просьбой ну, дай, я

посплю еще немножечко и лягалась, ее отпихивая, Дженни начинала скакать по тахте и бешено лизаться в восторге от того, что ее любимая подруга и хозяйка пробудилась.

—Все таки это безобразие — так баловать собаку,— говорила бабушка.

На что Женя сонно отвечала:

—Дженни меня охраняет.

—От кого?— спрашивала бабушка насмешливо.

—Она отрабатывает на мне сторожевые навыки,— отвечала Женя и отправлялась умываться и чистить зубы.

Это сегодня Женю охранять не от кого, но кто знает, как может повернуться жизнь...

После ужина, когда посуда была убрана, а посередине стола появился электрический самовар, дедушка разрезал торт Прага ровными кусками — это тоже была одна из немногих его домашних обязанностей. Достали карты. Играли в дурака, потому что в пьяницу Жене было уже неинтересно, а в преферанс, в который играли субботними вечерами взрослые на веранде, Женя играть еще не умела. А вот в дурака Женя играла лучше всех, натренировалась с Наташкой, и строго следила, чтоб никто не жульничал. Потому что, проигрывая, дед норовил подсунуть бабушке даму вместо валета, и тогда Женя громко кричала:

—Не мухлой, дед, дамов здесь не было!

—Разве не было дам?— притворно удивлялся дедушка.

—Всегда норовит обжулить,— улыбалась бабушка, потому что подобрела к вечеру. Длинный трудовой

день для нее кончился, посуду будут мыть ее дочь и внучка. А так же потому, что ей стало хорошо и тепло от двух рюмок кагора в старом доме, в который когда-то давным-давно, когда она была еще совсем молоденькой красавицей, привез ее дедушка.

Целебный источник

В воскресенье утром, пока не жарко, мама собралась на источник.

Так бывало и раньше. На даче она почти всякое воскресенье выводила из сарая свой велосипед, привязывала к раме две большие банки из-под воды Аква минерале с закручивающимися синими крышками и ехала на источник, потому что считала его чудодейственным. Наверное, думала Женя, мама верит, что если она умоется этой водой или будет ее пить, то с ней начнут твориться чудеса. Ну, скажем, она помолодеет. Или вытащит в лотерее счастливый билет и поменяет машину: она все время твердит, что этой машине уже скоро четыре года, и все умные люди в таком автомобильном возрасте машину меняют. Это она говорит дедушке, но не прямо в глаза, а так, вскользь. Или, быть может, она думает, что после этой самой воды хозяин Афони пригласит ее, наконец, в ресторан. Женя так думала, потому что, когда они однажды возвращались с бульвара, мама пробормотала про себя, но Женя слышала:

—Странный все-таки молодой человек. Что, он так и будет... гулять, гулять и разговаривать, даже в ресторан не пригласит?

Наверное, думала Женя, теперь мама хочет исподтишка напоить хозяина Афони своей чудесной водой, и тогда он тут же отведет ее в уютное стеклянное кафе на Мясницкой, где дают кофе, пирожные и вкусное-вкусное шоколадное мороженое.

Впрочем, мама не одна была такой доверчивой. Дамы с других дач тоже ездили на источник, потому что, по-видимому, тоже верили в чудеса и хотели помолодеть. Жени это их желание казалось странным, сама она, напротив, никак не могла дождаться, когда повзрослеет. И будет красить губы, как мама. И носить очки, как бабушка, потому что, когда бабушка надевала очки, то становилась такой домашней и уютной.

Дамы тоже ездили со своими банками кто на велосипеде, а кто даже на машине, за этой таинственной чудесной водой. Например, соседка, которая жила за забором, Ксения Петровна, говорила, что поскольку до Крещенья еще далеко, надо чудесной водой запастись впрок уже сейчас. Ни велосипеда, ни автомобиля у нее не было, так что она возила воду из источника на садовой тележке — в канистре, в полиэтиленовом бочонке и в большом термосе.

Каким же сильным должен быть этот источник, думала Женя, когда мама уехала на своем велосипеде, если все оттуда берут воду, Ксения Петровна так целыми бочками, а он все никак не кончается.

Втайне Женя мечтала, конечно, тоже попасть когда-нибудь на источник с Дженни. Но велосипед ей обещали подарить только при отличных оценках по окончании первого класса, и это сколько надо ждать — вечность. Конечно, можно было бы туда отправиться и

пешком, но мама утверждала, что это далеко, не меньше трех километров, и Женя со щенком туда никак не дойдут.

—Туда еще полбеды,—говорила мама, усаживаясь на свой велосипед,—но ведь еще и обратно...

Когда мама уехала, Женя и Дженни пошли на кухню к бабушке.

Бабушка как раз заканчивала развешивать и расставлять по местам все привезенное из города. Кастрюли на полках так и блестели. Со стены глядели глянцевые сковородки, висевшие на веревочных петельках вниз головами. Клетчатые кухонные полотенца даже на взгляд замечательно пахли. Появились на специальных крючках новенькие разноцветные варежки — снимать кастрюли с плиты. И новые занавески в цветок. И блестящие клеенки. Так что кухня у бабушки получилась светлая и нарядная.

—Бабушка,— приступила к делу Женя,— а что, эта чудесная вода, за которой мама поехала, от чего помогает?

—Ни от чего она не помогает,— сказала бабушка,— одни суеверия. Ну, от глупости, может быть.

—Ну, это уже немало,— заметила Женя.

Нет, бабушка определенно чего-то не договаривает. Не может быть, чтобы целый поселок ездил каждое воскресенье три километра туда и три обратно — просто так. И Женя решила пойти к дедушке. Они с Дженни вошли в гостиную, встали под лестницей, и Женя крикнула:

—Деда, ты работаешь?

—А как же,— бодро отозвался дед сверху. Но Женя знала, что по воскресениям дед если и работает, то совсем чуть-чуть, пролистывает текст лекции на понедельник, он сам признался как-то. Поэтому Женя, которую с детства учили не шуметь, бабушка занимается, сейчас смело крикнула:

—Дед, можно к тебе?

—Поднимайтесь,— крикнул дед, потому что был, наверное, все-таки чем-то занят и забыл, что Женя и Дженни никак не могут подняться к нему по крутой лестнице.

—Нет, наверх тебя, Дженни, я не дотащу,— сказала Женя Дженни,— ты стала очень тяжелая. Да я и сама по бабушкиной лестнице ходить пока еще плохо научилась. Сиди здесь.

И Женя решила попытаться забираться по лестнице ползком. Но как только она легла на живот на первую ступеньку, как услышала за спиной голос бабушки:

—Ты что же, дед, спятил! Зачем ты ее зовешь. Ребенок же разобьется на этой твоей лестнице.

—Ничего ребенок не разобьется,— сказала Женя, недовольная тем, что ей не разрешили поползть по крутым ступенькам. И поднялась с живота. И тут же Дженни встала на задние лапы и положила их Жене на плечи, потому что решила, будто Женя с ней играет. Дженни всегда была рада поиграть, когда люди вели себя странно, не как всегда.

—Это собака так реагирует на не стандартное поведение людей,— объяснила как-то мама. Но это было неверное объяснение: когда слесарь в их поселке как-то напился пьяным и очень шатался, Дженни вовсе не за-

хотела с ним играть, а наоборот залаяла. А ведь, согласитесь, когда человек идет и шатается посреди дня — это вполне себе не стандартно.

Наверху в проеме появился дед в пижаме и домашнем халате:

— Что за крик. Я спускаюсь.

Нет, он не выглядел уставшим от работы, он выглядел заспанным.

Дед спустился, и они втроем уселись в гостиной на диване, дедушка, Женя и Дженни.

—Я вот что хотела у тебя спросить, дед. В сказках бывает живая вода, это понятно. А в жизни?

—И в жизни,— сонно сказал дед.

—Тогда понятно, почему мама поехала к чудесному источнику, чтобы набрать чудодейственной воды.

—А как же без этого,— отвечал дед беззаботно. И невпопад, подумала Женя.

—А бабушка говорит,— сказала она,— что чудесная вода ни от чего не помогает. Только от глупости.

—Не от глупости помогает,— крикнула из кухни бабушка, которая, оказалось, все слышала. —А по глупости ее пьют. Хотя она свежая и вкусная, не буду отрицать.

—Скажу тебе по секрету, — прошептал дедушка,— твоя бабушка — материалистка и атеистка.

—Это как?— удивилась Женя.

—Она ни во что не верит. Ни в Бога, ни в черта.

—Ну, в Бога еще ладно,— прошептала Женя в ответ.— А в черта как же не верить? Бабушка же говорит иногда, когда я не слышу, чтобы мы все пошли к черту. Или к его матери. И ты, дед, если что-нибудь уронишь

или не можешь найти, говоришь черт побери. Значит, в чертей вы оба все-таки верите.

—Разве я так говорю?— искренне удивился дед.

—Говоришь,— кивнула Женя,— и часто.

—Ну, это так, присказка,— смущенно сказал дедушка. — Ничего не значит.

—Что ты учишь ребенка всяким глупостям,— сказала из кухни бабушка. —Почитай лучше с ней английскую книжку.

—Черти живут только в сказках Пушкина,— продолжал дедушка, наверное, он не слышал слов бабушки. — А что касается живой воды, то, знаешь ли, внучка, в мире много целебных источников, к которым люди съезжаются за тысячи километров со всего мира.

—Ну вот, а у нас есть свой,— обрадовалась Женя,— и не надо ехать со всего мира. Три километра на велосипеде.

—Именно,— сказал дед. И поцеловал внучку за то, что она такая понятливая. А еще потому, что очень ее любил.

А бабушка проворчала:

—Бешеной собаке семь верст не крюк.

Она сказала это потому, что знала много русских народных пословиц и поговорок.

Слишком много земляники

В том году в июне в лесу было очень много земляники. Ягод было много даже на участке, но в лесу, конечно, во много раз больше. И вот, когда мама верну-

лась со своей целебной водой от источника, Женя ей сказала:

— Теперь, когда у тебя есть целебная вода для омоложения, можешь ты что-нибудь сделать и для детей?

— Пожалуйста,— беззаботно сказала мама, потому что прибывала в самом беззаботном настроении и не ждала подвоха. У нее была чудесная вода, и день начался хорошо. — Чего желают дети?

— Дети,— сказала Женя,— желают, чтобы с ними погуляли на свежем воздухе.

— Вот те здрасьте,— сказала мама,— а чем здесь у нас на даче вам не свежий воздух.

И Женя подумала: неужели, когда я вырасту, я тоже буду такая глупая. Но вслух сказала:

— Гулять — значит вывести детей из дома на прогулку. А не держать их взаперти на участке. Мы же не детсадовские.

Женя, конечно, ни в каком детском саду никогда не была, но слышала от Наташки, что с детьми там почти не гуляют. То есть гуляют, конечно, но мало и строем.

— Конечно, конечно,— немного испугалась мама, поскольку хоть и была не очень послушная, но Женю слушалась. — Я готова. И куда же мы пойдём на прогулку?

— В лес, куда ж еще. Куда все ходят.

— Ну, не все. Все сейчас сажают или пропалывают.

— И что же ты сегодня прополола?

— Ну, ты знаешь, что огородом у нас занимается бабушка. И вообще, мне завтра с утра на работу. К тому же, я еще должна довести дедушку до метро... О, кто бы

знал, как мне осточертел этот офис,— помянула черта теперь еще и мама.

— Как ты думаешь, Дженни,— сказала Женя, обратившись к Дженни,— тебе не кажется, что нам заговаривают зубы?

Дженни в ответ тихо гавкнула.

— Да,— заметила мама,— воспитала ты собаку. Вся в тебя, такая же настырная. Пойди, попроси у бабушки маленькую кружечку. Наберешь ягод и угостишь дедушку.

И они отправились в лес, благо он начинался сразу за задними воротами. Но поскольку те ворота были закрыты, всей компании пришлось выйти на улицу, повернуть налево, и узким переулком выйти на прекрасную поляну, где светло-зеленая молодая трава так и блестела под солнцем. Чуть с краю, ближе к ореховым кустам, действительно оказалась пропасть земляники. Ягоды были меньше, конечно, той клубники, что приносил весной дедушка с рынка, но яркие и очень сладкие. Но Женина кружка наполнялась не очень быстро, потому что одну сорванную ягоду Женя отдавала Дженни, вторую съедала сама, и только третья оказывалась в кружке. Но все равно за полчаса кружка почти набралась. И если не уследить, то ягоды вываливались через край, и их опять приходилось собирать, ползая по траве. Тогда мама научила Женю протыкать ягоды молодой травинкой и нанизывать их. Жене это очень понравилось, хоть и не всегда удавалось, некоторые ягоды расползались, и тогда она слизывала их с пальцев. Полные травинки, если связать кончики, были как ярко красные

бусы... Ни мама, ни Женя не заметили, что Дженни нет рядом.

—Дженни, Дженни,— стали звать они.

Но Дженни не отзывалась и не показывалась.

—Ты беги туда,— скомандовала мама,— а я с другой стороны. Она, наверное, заблудилась. Она ведь еще маленькая и глупая.

С кем сравнивать, хотела наругать Женя, но не наругала. Потому что была воспитанная девочка, и бабушка ее научила, что взрослым грубить нельзя. Что бы они ни говорили. И она побежала. А мама побежала в другую сторону.

Женя отбежала совсем немного, когда услышала крик мамы:

—Уйди, кому говорят! Пш-ш-шел вон!

Тогда Женя побежала на крик, потому что подумала, что на маму напал волк. Или, что еще хуже, какой-нибудь не очень трезвый человек. И ей требуется помощь.

Но оказалось, что это нападала сама мама. На огромного добродушного кудлатого пса, который стоял в сторонке, глядя, как мама подхватила перепуганную Дженни на руки. И слушал, как на него кричат, поджав лохматый хвост.

—Угу,— сказала Женя псу,— что, влюбился?

Пес не ответил, а понурился. И грустно пошел своей дорогой. Он загрустил и обиделся, потому что не имел в виду ничего дурного: просто хотел представиться маленькой незнакомке. Ведь здесь у них среди поселковых собак, таких как Дженни не было. И пахло от нее совсем иначе, шампунем, что ли. Что ж, в другой

раз познакомимся, подумал пес. И еще: какие все-таки заносчивые эти москвичи.

А мама с Дженни пошли домой.

На веранде перед включенным телевизором сидел дед и читал газету. Обычно в таких случаях бабушка говорила:

—Сережа, выключи этот свой телевизор.

А дедушка отвечал:

—А что, Таня, разве он тебе мешает?

—Но ты же читаешь газету!

—Но я одновременно читаю и слушаю.

—Ладно, ты не Юлий Цезарь.

—А кто это?—спрашивала любознательная Женя.

—Это римский император,— говорила мама.

—Он что, тоже читал газеты под телевизор?

—Тогда не было телевизора. И газет в Древнем Риме не было. Просто Цезарь умел делать много дел одновременно.

—А откуда же он узнавал новости? И какая будет погода? Или в Древнем Риме не было новостей?

—У них там в Италии всегда хорошая погода,— говорила мама со вздохом, как будто очень хотела уехать в Италию.

Но сейчас она сказала:

—Совершенно невозможно стало гулять с ребенком. Кругом какие-то приبلудные псы.

—Один влюбился в нашу Дженни,— тут же добавила Женя.

—Нет,— сказал дед, оторвавшись от газеты,— нам приبلудные женихи не нужны. — Посмотрел на внуку и рассмеялся: —Ну, пойдя к деду, земляничная рожица.

Он сказал так потому, что Женя вся перемазалась в землянике, когда облизывала руки.

—Быть может, это вполне разумный, сильный и умный пес,— сказала бабушка.

—Но, Таня, он ведь беспородный.

—И родословной у него нет,— добавила мама.

—Господи, кому нужна ваша родословная. Простая свежая кровь только укрепляет породу.

—Ну, быть может так бывает у людей,— сказал дедушка и прикрылся газетой.

—Боже, откуда в вас всех столько снобизма,— вздохнула бабушка.

—А что такое снобизм?—спросила Женя.

—Спроси вот у него,— указала бабушка на дедушку.

—Нет, отчего же, мне тоже дороги идеалы демократии,— быстро ответил дед. —Но в некоторых вещах...

—Как вы мне надоели,— сказала мама, — с этой своей способностью делать из мухи слона. Здесь нет никакого снобизма. Это был хороший пес, но просто Дженни пока что не нашла свою пару. К тому же, ей рано выходить замуж.

—Да, Дженни,— сказала Женя,— нам с тобой еще рано жениться. Давай-ка побудем вдвоем.

—Давай,— сказала бы Дженни, если бы умела говорить. А так она лишь лизнула хозяйку в земляничную щеку.

—Породистая собака, бабушка, нужна для красоты,— сказала Женя.

—А красота на что?

—Ни на что. Красота для красоты, вот для чего. Как ты не понимаешь...

Белая птица

А в понедельник, когда мама с дедушкой рано утром уехали в город, в дачном поселке случился переполох.

Одна молодая соседка-пенсионерка, надев глубокую белую панаму, подвернув до колен красивые белые штаны и не забыв подкрасить губы, сажала на своем участке позднюю редиску. Она осторожно опускала в подготовленные ямки по два-три коричневых зернышка семян, потом сравнивала лунки рукой в желтой резиновой перчатке,— перчатки требовались, чтобы не испортить маникюр,— и любовно поливала водой из лейки.

Пенсионерка трудилась старательно, что называется — не разгибаясь. Наконец, она все-таки разогнулась, чтобы размять затекшую спину, и подняла голову. Ей захотелось, наверное, после трудов взглянуть на солнышко и на приветливое в этот день голубое небо. Хотя мы и знаем, что по понедельникам небо редко бывает голубым, потому что понедельник — день тревожный. И действительно, едва задрал голову, пенсионерка увидела прямо над собой, на высокой березе, сидящую на сучке огромную белую птицу с двумя рогами. Птица выглядела не просто непривычно, но страшновато, и косила на пенсионерку круглым глазом.

Молодая пенсионерка быстро перебрала в уме всех известных ей птиц средней полосы нашей страны.

Здесь надо сказать, что не только молодые пенсионерки, но и люди старшего, а также младшего возраста, если они не биологи по основной профессии, как правило, очень слабы в орнитологии, науке о птицах. Наша пенсионерка знала таких птиц: ворона, галка, сорока, воробей, снегирь и синица, причем двух последних не смогла бы отличить одну от другой. Еще она слышала про филина, но кто он такой не имела никакого понятия.

Но птица, которая сидела на березе у нее над головой, определенно не была похожа ни на одну из вышеперечисленных. Включая филина и даже сову, которую пенсионерка тоже вспомнила. От испуга, наверное.

Пенсионерке пришел на ум страус. Но она твердо знала еще со школьной скамьи, на которой в последний раз, впрочем, сидела довольно давно, что страусы живут в пустыне Сахара, но никак не на подмосковных дачных участках. Впрочем, она читала в газете, как некий недисциплинированный гражданин однажды провез из Африки через нашу границу зеленого крокодила и посадил его к себе в ванну. Когда гражданин ушел на службу или так, по делам, сообразительный крокодил сбежал из ванной комнаты, неизвестно как открыл дверь, вышел из квартиры и пошел гулять по улице. Он никого не трогал, потому что незадачливый гражданин его сытно кормил, но все равно люди перепугались и вызвали МЧС.

Такое, подумала молодая пенсионерка, вполне могло бы случиться и со страусом. Вот только в пустыне Сахара, она твердо знала, не растут березы. А значит, у страуса неоткуда было взяться навыку по ним лазить.

Скорее, эта белая птица была похожа на бройлерную курицу, предназначенную чтобы запечь в духовом шкафу. Но только больше размерами. Но это была не курица, нет, никак не курица. От курицы эту птицу отличали огромный клюв крючком и два заливчатских хохла на белой голове — эти хохлы первоначально пенсионерка и приняла за рога. Не говоря уж о том, твердо знала пенсионерка, что бройлерные куры лежат в холодильнике в магазине или скворчат в духовке, обложенные антоновскими яблоками, но ни в коем случае не сидят по березам.

Пенсионерка перекрестилась бы, если б умела, и, перепуганная, побежала к забору звать соседей.

—Татьяна!—крикнула она через забор. —Татьяна, выйди на минутку, здесь такое творится!

Бабушка на кухне делала сырники для Жени, потому что Дженни ела творог в сыром виде и ей не нужны были сырники. Услышав тревожный крик соседки, бабушка вытерла перепачканные в муке руки о фартук, пробормотала вечно у нее всё не слава Богу и вышла на крыльцо.

—Что случилось?— спросила бабушка.

—Татьяна, посмотри, вон там, на дереве.

Бабушка посмотрела, но ничего не увидела, потому что сейчас на ней были очки для домашней работы, а не для разглядывания страусов на березах.

На помощь бабушке вышли из дома Женя, дождавшаяся сырников, и Дженни, уже слопавшая свой творог. Обе тоже посмотрели туда, куда показывала соседка, и зоркая Женя сказала:

—И правда — сидит.

Птица сидела не слишком высоко. Сидела спокойно, важно, нахохлившись.

—Таня, как ты думаешь, это не опасно?— спросила молодая пенсионерка, поскольку была боязлива. — Она не хищная?

—Не думаю,— ответила за бабушку Женя. —На орла она не похожа. Правда, Дженни?

Дженни, в отличие от Жени никогда не ходившая в зоопарк с дедушкой, а значит никогда не видевшая орлов, тем не менее, согласилась и вильнула хвостом.

—Что же теперь делать!— воскликнула соседка, с видимым удовольствием впадая в панику.

—А черт бы с ней,— не педагогично сказала бабушка,— у меня творожники подгорают.

И вернулась на кухню.

—Но этого нельзя так оставить!—воскликнула молодая пенсионерка и побежала по соседям сообщать тревожную весть.

Она даже не успела добежать до комендатуры, как у забора ее участка уже собралась кучка зевак. Здесь были преимущественно пенсионеры и их внуки, а также один отставной нестарый прапорщик с усами, который тоже был пенсионер, поскольку на пенсию прапорщики выходят рано. Как балерины.

—Сделайте же что-нибудь! — обратилась молодая пенсионерка к нестарому прапорщику, который щурился на странную птицу из-под козырька бейсболки спартаковских цветов и курил папиросу Беломорканал. — Вы же сильный.

—Так шо,— сказал прапорщик. — Птица важная. Никого не трогает. Не хай сидит отдыхает.

—Как это не хай,— возмутилась молодая пенсионерка. —Вам может быть и не хай, а мне хай!

Но толпа волновалась.

—Тут бы двустволка нужна,— сказал старичок в шляпе,— из двух стволов шмальнуть.

Он так сказал потому, что когда-то, до выхода на пенсию, работал во вневедомственной охране.

—А, может быть, она перелетная,— предположил кто-то,— и находится в перелете над нашей страной в Турцию. Или в Египет. Потому что это определенно не наша птица.

И тут среди людей появилась очень маленькая старушка в джинсовых шортах. Она решительно протолкалась вперед, что было ей легко, потому что она была очень юркая.

—Тихон,— позвала она,— Тихон, иди ко мне.

Птица покрутила головой, скосила глаз на хозяйку и отряхнулась.

—Тихон,— очень скрипучим голосом согласилась птица, расправила крылья и легко спорхнула с березы — прямо старушке на плечо.

—Он еще и разговаривает! — охнули в толпе.

—Что ж вы, Изабелла Юрьевна,— сказал тот, кто разглагольствовал про перелетных птиц,— что же вы своего попугая совсем распустили. Людей пугает.

И тут все узнали в старушке обитательницу маленького домика с краю участков, почти у самого леса, старенькую дрессировщицу обезьян, которая давно ушла из цирка и разводила лучшие во всем поселке махровые георгины.

—Боже, зачем такой шум,— сказала Изабелла Юрьевна,— я просто выпустила Тихона погулять.

—Следить надо за хищниками,— сказал старичок в шляпе, служивший в лучшие свои годы во вневедомственной охране,— а то не сморгнешь глазом — шамальнут.

—Птице нужен моцион,— сказала, не смутившись, Изабелла Юрьевна. Когда большой попугай сел ей на плечо, она стала казаться еще меньше ростом. Почти гномом.

—И слова какие говорят, тьфу,— обиделся старичок.

—Тихон любит Беллу,— проскрипел попугай.

—Это попугай редкой породы нимфа-корелла,— объяснила Изабелла Юрьевна на прощание и отвернулась, чтобы уйти.

—А они кусаются?—спросила молодая пенсионерка, которая подняла весь этот шум.

—Да,— жестко ответила Изабелла Юрьевна на прощание...

—Вот видишь теперь,— сказала Женя бабушке, когда все кончилось и люди разошлись,— а ты хотела, чтобы мама вместо Дженни купила мне попугая. Видишь, сколько с попугаями хлопот. Они улетают. И даже кусаются, не то, что Дженни. Наша ненаглядная Дилайт...

—Я? Попугая? — изумилась бабушка. —Никогда ничего подобного я не хотела. И не говорила.

И Женя лишний раз убедилась, какая у взрослых короткая память. Особенно в тех случаях, когда они по

каким-то причинам не хотят вспоминать и признавать своих ошибок.

— Вот только он разговаривает.

— Кто разговаривает? — спросила забывчивая бабушка.

— Попугай разговаривает. А наша Дженни нет. Но она еще научится говорить, правда, Дженни?

— Правда, научусь, — сказала бы Дженни, если бы умела. Но она еще не умела говорить.

Рыжий

Вообще-то, в дачном поселке Нарядный жило много котов. Самых разных размеров и цветов. Были пушистые, белые с черным или белые с рыжим. Были гладкие, черные с элегантными белыми галстуками на шее. Были пегие, серые, но рыжий без единого волоска другой масти здесь был один. Он был рыжий от носа и ушей до кончика хвоста.

Некоторые из котов ловили полевых мышей, но это самые резвые, таких было по пальцам сосчитать. Остальные же только и знали, что есть мороженое филе трески, лакать сливки из блюдечка и нежиться на хозяйских подушках. Так что кошачья жизнь в поселке не многим отличалась от человеческой: чуть лени, необязательное общение, немного работы и очень много досуга.

Этот самый рыжий был в поселке самый хулиганистый кот. Принадлежал он двум дамам, матери и дочери, которые жили на той же улице, что Женя и Дженни.

Биография кота была известна не с начала, дата и место его рождения были покрыты мраком. Дамы как-то нашли в своем подъезде московского четырнадцатизнажного дома на Ломоносовском проспекте, что на-против бывшего кинотеатра Прогресс, большого бро-шенного худого маленького кота. Сколько ему было лет — неизвестно, но он был молод, это точно, хотя и не со-всем взрослый. Так, юноша, подросток. Потому что, е-сли позже он и вырос, то незначительно.

Несмотря на свой юный возраст, он уже успел по-страдать в какой-то драке, потому что пол уха у него было откушено. Дамы взяли его к себе, вылечили и от-кормили. А поскольку отъевшийся кот оказался огненно рыжей масти, то, не мудрствуя лукаво, дамы стали звать его просто Рыжий. А когда он не слишком хулиганил, то ласково — Рыжик.

Судя по его нраву и повадкам, кот происходил из простой дворовой семьи. Из тех котов и кошек, что шас-тают по помойкам, а в марте истошно орут под окнами. Он отказывался быть только домашним котом, как мно-гие его сородичи, но любил волю и свободу. Он лишь изредка навещал своих хозяек, которые души в нем не чаяли. Ведь если мы кого-нибудь приютим и вылечим, то очень привязываемся, не без тайной надежды, ко-нечно, на ответное чувство.

Рыжий к хозяйкам относился снисходительно, но невнимательно, предпочитая домашнему уюту вольную жизнь на свежем воздухе и ловлю птенцов мелких птиц. Что, считали его хозяйки, было верхом неблагодарности со стороны рыжего кота: речь не о птицах, а о них са-

мих. Но они извиняли его, списывая это поведение на отсутствие должного воспитания в детстве.

Рыжий успевал повсюду. Это и понятно, коты встают рано, раньше собак. На кухнях соседей изредка прямо из стоявшей на огне кастрюли со свежим бульоном исчезало мясо, а размороженные курицы подчас улетали неизвестно куда прямо с кухонного стола. Впрочем, Рыжий не только добывал корм для себя лично, но не забывал и своих хозяек, и кое какие признаки признательности все-таки изъяслял. Он подчас являлся к ним с подношениями и обкладывал по ночам постели хозяек полу придушенными полевками, чему те, конечно, не слишком радовались.

Рыжий исправно обходил участки поселка, но, надо отдать ему должное, не попрошайничал и не принимал угощений из чужих рук, в чем тоже, конечно, сказывался его независимый нрав. Как сказано, он сам добывал себе пищу, пусть и не совсем джентльменским способом. Прямо говоря, бандитским. Короче, это был ворюга, прохиндей и хитрец, и все соседи иначе как рыжий бандит его и не называли.

И вот — в это трудно поверить — домашняя интеллигентная Дженни свела с этим кошмарным котом самую нежную дружбу.

Вообще, Дженни по отношению к кошкам была не совсем собака. Точнее, как бы и вовсе не собака. То есть, она, конечно, гоняла чужих кошек со своего участка, но не теряла голову и дальше границы своих владений никогда за ними не бежала, как делают многие другие псы. А, прогнав непрошенных гостей, с достоинством возвращалась в дом и чинно усаживалась на

свое любимое место на крыльце. Встретившись же с котом на прогулке вне своего участка, на улице, она дружелюбно его обнюхивала, чего коты вовсе не понимали и при каждом удобном случае бросались наутек, а то и забирались на дерево, откуда потом долго не могли спуститься. В таких случаях, крайне удивленная столь странным поведением, Дженни задирала голову и с недоумением смотрела на вцепившегося всеми четырьмя лапами в ствол дерева кота.

Точно так же Дженни встретила и Рыжего, когда впервые обнаружила его во дворе. Рыжий затаился в кустах сирени напротив окна на кухню, где бабушка готовила вкусный борщ из мозговой косточки. Дженни обнаружила его и коротко гавкнула, что означало, по видимому, нечто вроде маска, я тебя знаю. То есть я тебя вижу. Кот, которому было некуда отступить, поскольку он сидел среди густых побегов сирени, выгнул спину и страшно зашипел, готовясь к драке. А надо сказать, он умел драться с собаками, которые после этих схваток обиженно скулили и бежали жаловаться хозяевам, показывая им свои расцарапанные морды.

Но Дженни вовсе не собиралась лезть за котом в кусты. Она уселась напротив сирени, ожидая, когда Рыжему надоест прятаться, и он сам выйдет знакомиться. А там можно его и прогнать, если кот будет вести себя чересчур нахально.

Но тут внимание Дженни отвлекло довольно странное происшествие. Под самой высокой сосной на их участке произошло вот что. Юркая маленькая белочка быстро спустилась по стволу и что-то проворно подняла с земли. И вдруг сверху на нее обрушилась боль-

шая сорока. Вы когда-нибудь видели, чтобы сорока дралась с белкой? И никто не видел, только Дженни.

Скорее всего, сорока где-то прихватила какую-нибудь вкусную корочку. И взлетела на сосну, чтобы спокойно полакомиться, но обронила свою добычу. А быстрая белка все это видела и шмыгнула вниз, чтобы подобрать угощение. Что сороке, разумеется, не очень понравилось. Потому что корочку она добыла вовсе не для того, чтобы угощать чужих и настырных грызунов. Пусть и с красивым пушистым хвостом. И слетела вниз отобрать лакомство, принадлежавшее ей по праву.

Белка сопротивлялась отчаянно. Она ловко увернулась от птицы, шмыгнула у нее под растопыренными крыльями, и мгновенно умчалась по сосновому стволу вверх. Птица стала ее преследовать. Но белка вдруг оторвалась от ствола и перелетела на соседнее дерево. Прodelала она этот полет так стремительно, что сорока на какое-то мгновение потеряла ее из вида. А когда обнаружила, было поздно: белка уже съела корочку и теперь довольно язвительно смотрела на птицу маленькими круглыми черными глазками.

Это сцена так захватила Дженни, что она на время забыла про кота. Кот, воспользовавшись ее невнимательностью, быстро выскочил из сирени и бросился наутек в конец участка. Тут Дженни очнулась и погналась за ним. Однако Рыжий повел себя не так, как другие кошки. Он остановился, опять выгнул спину и громко зашипел. Дженни присела перед ним и дружелюбно вильнула хвостом. Она не хотела драться с котом, но хотела бы его обнюхать. Кот несколько удивился такому собачьему поведению и тоже сел от удивления. И с минуту они

так и сидели друг напротив друга, один другого разглядывая.

Женя увидела сидящих друг перед другом Дженни и рыжего кота, и закричала:

—Бабушка, бабушка, Дженни с котом разговаривает.

—Ну и пусть поговорят,— невнимательно сказала бабушка, как будто беседа кота с собакой была самым заурядным делом. Бабушка как всегда была занята, потому что не умела сидеть без дела, как хорошо умели и дедушка, и мама. И не любила, когда ее отвлекают.

—Ах, бабушка, ну почему же Дженни с котом разговаривает, а со мной нет!

—Ну, так ты ее научи,— сказала бабушка, так и не вникнув, по-видимому, в суть дела.

Дженни учится говорить

Наконец-то наступил день, которого бабушка, Женя и Дженни всегда с таким нетерпением ждали: суббота. В этот день вся семья, наконец, собиралась вместе. Впрочем, мама с дедом иногда приезжали и в пятницу, но тогда мама бывала недовольна: хоть один свободный от вас вечер у меня может быть! А деду одному ехать в переполненной электричке было лень. Впрочем, возможно, и он хотел скоротать вечерок в московской квартире без бабушкиного контроля и присмотра.

По субботам часов в одиннадцать утра у ворот останавливалась мамина машина, протяжно гудя. Это мама давала сигнал, что они с дедушкой уже здесь. Ба-

бушка выходила из кухни на крыльцо, где уже булькало, шипело и скворчало. А Женя, и за ней Дженни вприпрыжку бросались к воротам, а дед уже снимал тяжелый брус, каким ворота запирались, и мама заводила машину во двор.

—Дженни, возьми себя в руки,— кричала мама, потому что Дженни от радости прыгала передними лапами на ее светлое платье. —Это бесчеловечно. То есть бессобачно.

—Ей, чтобы она поняла, надо говорить возьми себя в лапы,— поправляла маму Женя.

—Да вам что ни говори...

После поцелуев и глупого вопроса, не требующего ответа и обращенного к бабушке, как они здесь себя вели, начиналось самое интересное. На веранду приносили от машины свертки, сумки, пакеты и кульки.

—Ты забыла постное масло,— ворчала бабушка, разбирая сумку с продуктами на кухне. — А ведь оно было в списке.

—Ах, схожу я за твоим маслом,— отмахивалась мама. — Дай отдышаться. На шоссе пыль, жара и очень много машин.

Женя тем временем помогала дедушке распаковывать его пакеты, потому что в них-то и должно было быть самое главное — какое-нибудь необыкновенное угощение для нее. Сласти-мордасти, называла это бабушка, намекая на то, наверное, что если есть много сладкого, то у человека полнеет лицо.

—Ах, спасибо дед,— восклицала Женя, получая что-нибудь вкусное: рахат-лукум или кос халву. — Ты мой восхититель.

—Как-как?

—Ну, бабушка у меня восхитительница. А ты, значит, восхититель.

Такое слово у Жени, должно быть, получилось из сложения двух слов: воспитательница и восхитительная.

В эту субботу они точно так же ждали маму и деда. И когда они приехали, бабушка не нашла ничего лучше спросить дедушку:

—Боже мой, отчего ты приехал в разных носках?

—Разве?

—Сам полюбуйся.

—Но, Таня, такие носки мне выдала стиральная машина после сушки. Ну что ты с этими носками. Дай же, поздороваться с внучкой.

На этот раз Женя получила большую коробку шоколадных конфет, на крышке которой была воспроизведена картина Мишки в сосновом лесу. Так, во всяком случае, называла ее Женя, не зная, конечно, что некогда сосновый лес был нарисован отдельно одним художником, а медвежья семья позже пририсована другим.

—А знаешь, дед,— рассказывала Женя, уже ловко открыв коробку и засунув в рот сразу две конфеты, чтобы бабушка не увидела и не отобрала. Потому что бабушка любила повторять, будто детям нельзя много сладкого. Чушь какая!

—От этого толстеют. И зубы портятся.

—Зубы можно вставить новые. Еще красивее старых, как у тебя,— говорила Женя, которая подслушивала, наверное, разговоры взрослых. О том, например, что надо укрепить мост. Откуда у бабушка во рту может оказаться мост? Откуда и куда он ведет? У самой Жени

были ровненькие зубки, правда два молочных уже выпали. Но вместо них вырастут новые, и предупреждения бабушки ее совсем не убеждали.

—Так вот, знаешь дед,— продолжила Женя, уминая конфеты,— к нам в гости прилетал большой белый попугай. Все его испугались, а мы с Дженни ни чуточки.

—Что ж, вы у меня храбрые девочки. Но откуда же он прилетал? Из джунглей Амазонки?

—Какой ты у нас все-таки глупый, дед. Амазонка же далеко за океаном, в джунглях, и попугаю столько ни за что не пролететь. Просто тетя Белла с крайнего участка отпустила его погулять.

—Да, тетя Изабелла большая шутница. Я помню, как однажды у нее сбежала макака, и ее ловили всем поселком. Это было трудно, потому что в те годы не было в продаже бананов.

—Как не было? — очень удивилась Женя. —А что же было?

—Ну, апельсины, может быть,— сказал дедушка не слишком уверенно.

—Не помню. Но были ананасы, это точно.

—Как странно,— сказала Женя,— разве бананы не растут на пальмах вместе с ананасами?

—Что делать, странно, конечно, — сказал дед и зевнул. — Но растут они, насколько мне известно, порознь.

—А знаешь,— сказала Женя, чтобы его развеселить,— Дженни на днях разговаривала с котом?

—Что же сказал кот? — поинтересовался дедушка. Сам факт беседы кота и собаки его нисколько не удивил.

—Было плохо слышно, поскольку говорили они на краю участка. А еще белка подралась с сорокой.

—И кто победил?

Нет, положительно дедушка ничем было не пронять, наверное — переутомился на работе. Засыпал на ходу, хоть Дженни и подбрасывала носом время от времени его руку. Что б не спал, наверное.

—Дженни, пойдти сюда, у меня для тебя кое-что есть,— сказала мама. Скорее всего, она решила подлизаться к собаке.

Дженни подошла к ней и легла на спину, привычно подставив живот для чесания. Когда она подставляла живот, то принималась улыбаться. Нижняя губа у нее отвисала, показывалась влажная розовая изнанка, и делались видны острые белые клыки.

—Смотри!

И мама достала из бумажного красивого цветного пакета розовую аппетитную кость, сделанную из какого-то заменителя. —Она даже пахнет мясной костью,— добавила мама с таким выражением, будто и сама с удовольствием ее погрызла бы. — Приобретено в специальном собачьем магазине,— добавила она с гордостью.

Дженни понюхала искусственное изделие и потом не без опаски взяла его в пасть и зажала в зубах.

—А где спасибо? — спросила мама у Дженни.

—Это для нее еще очень трудное слово,— сказала Женя.

—Как и для еще некоторых,— вставила бабушка из кухни. Она как всегда все слышала.

—Собаке грызть такие кости полезно для укрепления зубов,— объяснила на всякий случай мама.

—Да ей твоя искусственная кость — на один зуб,— сказала бабушка. И была права — уже к вечеру кость была сгрызена в прах.

—А теперь,— торжественно объявила Женя,— Дженни покажет, чему она научилась за неделю. Во-первых, она уже почти начала говорить. Скажем, когда она лает вот так — тьяв,— изобразила Женя, как могла,— то это она просится гулять. А когда так — гав-гав, это она хочет, чтобы ей дали поесть. Но это не все. Она знает команды. Сидеть!

И Дженни села по приказу хозяйки, а по команде дай лапу протянула лапу. Отчего-то левую.

—Замечательно, она у нас левша, как я, — сказала мама. —А команду голос она тоже уже знает?

—Дженни, голос!— крикнула Женя очень строгим голосом.

Дженни подняла голову, тоскливо взглянула на хозяйку и начала тихо подвывать.

—Это халтура,— сказала строгая Женя. — Голос! Ав, ав,— показала она Дженни, что той надо сделать.

—Ав,— негромко сказала Дженни.

—Громче, Дженни. Как если бы здесь были воры.

—Р-р-р-ав! — громко гавкнула Дженни и тут же получила корочку ароматного черного хлеба, который очень любила. Чему Женя всегда удивлялась — сама она предпочитала длинные французские батоны из нежной белой муки.

—Браво,— захлопала в ладоши мама,— теперь нам с ней ничего не страшно.

—У собаки — драматическое сопрано,— сказал дедушка.

Ему бы только посеяться над маленькими.

—Никакое не драматическое,— сказала Женя, вступаясь за свою собаку.

—У нее меццо-сопрано,— сказала мама примирительно.

—А теперь всем мыть руки,— скомандовала бабушка из кухни. — И садиться за стол.

И она внесла на веранду дымящуюся супницу с борщом.

—И рюмочку не грех выпить,— сказал дедушка, доставая из холодильника запотевший графинчик. — После трудов праведных...

После обеда Женю сегодня по поводу субботы не отправили спать, как было положено в будни.

Спать ушел к себе наверх дедушка. Прикорнула на кушетке под лестницей мама, а бабушка попросила Женю помочь ей вытирать на кухне тарелки.

—И как же ты собираешься учить собаку разговаривать? — спросила бабушка, лукаво глядя на внучку.

—Ну, ты же учишь меня английскому языку. А я буду учить Дженни русскому. Хотя, наверное, ее и английскому языку тоже можно научить. Она же английского происхождения.

—А ты не боишься, что у собаки для таких занятий не подходит речевой аппарат?

—Ах, как с тобой скучно, бабушка. Все у нее предусмотрено. Правда, Дженни?

И Дженни сказала:

—Ав.

—Вот видишь! Еще как предусмотрено.

—Да, хорошая артикуляция,— согласилась бабушка. —Но ты не отвлекайся, а вытирай насухо.

Кино и крыжовник

Еще одно событие, потрясшее поселок Нарядный, случилось в самых первых числах августа: на улице Гагарина, прямо напротив Жениного дома, у соседского забора снимали телевизионное кино.

Скорее всего, снимали какую-нибудь очередную серию про всяческие страсти, разгорающиеся в течение дачного сезона. Когда у отпускников и молодежи на каникулах к вечеру, после прополки и полива, оказывается много свободного времени: тогда приходит пора преферанса, петард, костров, прослушивания громкой музыки, шашлыков по субботам, танцев и мечтаний. В эту пору зачастую и завязываются самые нежные дружбы, некоторые из которых делятся потом всю жизнь. Почитайте на досуге анонсы телесериалов в программе передач. Там так и сказано: Петя рассказал Маше, что влюбился в Лиду, тогда как Сережа узнал о том, что его родная бабушка оставила ему в наследство старый дом. Так что нет ничего странного, что молодые телевизионщики решили правдиво и со вкусом отразить эту сторону жизни нашего населения дачного ее периода. И уж тем более ничего удивительного нет в том, что в качестве натуры они выбрали именно этот поселок и именно эту улицу, на которой жили Женя и Дженни. Ведь как уже было сказано, это была очень нарядная улица.

Дело было, как ни странно, под вечер, то есть съемки происходили на закате, в режиме, как говорят в

кино. На их улицу въехал большой автобус с надписью крупными красивыми буквами на боку Российское телевидение. Тонваген, называется это не специальным телевизионном языке. Ведь вы знаете, конечно, что люди разных профессий говорят на разных специальных языках, и даже дети говорят на своем. Потому, быть может, что хотят, чтобы взрослые, когда подслушивают, не всегда понимали их секретные детские разговоры.

Едва подъехал этот самый автобус, из него посыпались молодые люди в шортах, майках и кроссовках. Одни из них были в бейсболках, другие в панамах, а один гражданин постарше, появился последним в шляпе, сандалиях и с мегафоном в руке. И зеваки, которых сразу же собралась небольшая толпа, дружно решили, что этот самый господин и есть здесь самый главный режиссер.

Но оказалось, это было не совсем так — это был помощник режиссера. А сам режиссер приехал отдельно и чуть позже на машине типа внедорожник явно заграничного производства. Чему тоже не приходится удивляться. Все, кто хоть раз смотрел наше телевидение в его художественной ипостаси, могут догадаться, в каких сложных условиях пересеченной местности приходится подчас работать мастерам камеры и голубого экрана.

Молодые люди очень организованно и слаженно, будто были тимуровцы, потащили из сопровождавшей автобуса осветительные приборы и принялись их расставлять напротив зеленого досчатого забора. Тут же откуда-то взялась и камера, которую поставили на смешную маленькую тележку, такую маленькую, что на

ней едва уместился толстый человек, усевшийся на табурет, чтобы в камеру глядеть. А когда подъехал внедорожник и из него вылез режиссер, за ним появилась и очень милостивая молодая женщина в белой изящно сидевшей у нее на голове панаме и в белых же брючках, кончавшихся чуть ниже колен, совсем как у молодой пенсионерки с соседнего участка. И ни один из обывателей дачного поселка, которых, как сказано, здесь сразу же скопилось множество, не позволил себе усомниться, что это — героиня фильма. Точнее исполнительница ее, героини, главной роли.

Первыми, конечно же, сбежались мальчишки с окрестных дач, но держались они сдержанно, можно сказать дисциплинировано, понимая, наверное, важность происходящего: еще бы, наверняка ни один из них еще вчера и мечтать не мог вот так, запросто побывать на съемочной площадке, где снимают взаправдашнее кино. И, разумеется, здесь же были Женя и Дженни, ведь дело происходило буквально напротив их калитки.

До этого дня Женя, конечно же, мечтала о будущем. Как всякий маленький человек она не могла не задумываться о своей будущей взрослой профессии. Тем более, что взрослые, будто сговорившись, любят задавать детям один и тот же стандартный вопрос: кем ты хочешь стать? Или чуть иначе: кем ты будешь, когда вырастешь? На самом же деле не то, что маленькому человеку без жизненного опыта, на такое трудно ответить. Сами взрослые подчас не знают, кем они уже стали.

Так вот, Женя в пять лет мечтала стать дворником. Когда она это объявила, мама схватилась за голову. А бабушка спросила строго:

—Это еще почему?

—А я тогда буду вставать первая,— объяснила Женя,— и первая находить все-все, что люди за день на улице потеряли.

И дедушка, помнится, заметил, что это вполне разумное и по-своему практическое намерение.

Но уже в шесть лет Женя передумала становиться дворником, потому что ее еще в пять отдали на фигурное катание. Но к удивлению взрослых, Женя не мечтала стать фигуристкой-чемпионкой, но объявила, что будет хозяйкой школы фигурного катания, чтобы этих самых чемпионов готовить. Согласитесь, это тоже не самое стандартное детское желание. Но этот августовский вечер чуть было не изменил ее планы, потому что Женя стала подумывать, не пойти ли ей в артистки кино. Впрочем, через час съемок она была уже не так уверена в правильности своего выбора. Потому что усомнилась, такая ли это приятная работа.

Дело в том, что Женя, очень внимательная девочка, обратила внимание, что съемка кино оказалось делом довольно занудным и требующим много терпения. А значит, не слишком привлекательным. Телевизионщики снимали такую сцену. К забору дачи подъезжала машина, та самая, на которой приехали на съемку режиссер и артистка. Из нее выскакивала героиня и, не оглядываясь, бежала к калитке. За ней выскакивал молодой человек с криком ну, погоди, Вера, гнался на героиней — совсем как волк за зайцем. Но девушка успе-

вала заскочить в калитку и захлопнуть ее, а молодой человек с досады ударял по калитке кулаком. И это все.

И эту чушь, ни одного даже поцелуя, снимали раз пять, что Женю страшно удивило. Потому что раз за разом повторялось совершенно одно и то же: героине, у которой от жаркого света на лице расползался грим, заново пудрили нос, потом опять зажигали нестерпимо яркий свет, какая-то девушка хлопала перед носом камеры дощечкой с хлопушкой. И с криком эпизод двадцать восьмой, дубль второй или дубль третий. Опять подъезжала машина, опять из нее выскакивала героиня и бежала сломя голову к забору. А когда один раз героиня споткнулась, то режиссер страшным голосом закричал:

—Брак! Брак!

Наконец, наверное, все замучились, и режиссер объявил стоп, снято, перерыв пять минут. И сам уселся за камеру — что-то смотреть. А толмстый оператор слез со своей тележки, присел на пенек и достал из сумки завернутый в фольгу большой двойной бутерброд и намеревался его есть. И тут случился конфуз: Дженни подошла к нему и стала передними лапами оператору на колени.

—Это еще кто?— удивился оператор.

—Дженни, фу! — закричала Женя. —Как тебе не стыдно!

—Ты хочешь моего гамбургера?—спросил оператор. И сказал Жене: — Не волнуйся, девочка, у меня у самого есть собака.

—Какая ты невоспитанная,— сказала Женя.

Но оператор уже отломил кусочек вкусной котлеты, который Дженни тут же и проглотила.

—Миша,— представился оператор. — А твою собаку, девочка, как зовут?

—Ее зовут Дженни,— отвечала Женя. — А меня Женя.

—А меня Миша,— повторил оператор и дал Дженни еще кусочек.

И с чувством легкой обиды Женя подумала, что так бывает очень часто: на нее саму, как правило, посторонние люди обращают много меньше внимания, чем на ее собаку. И то сказать: Женя самая обыкновенная маленькая девочка, а Дженни умный шоколадный лабрадор с редкой красоты ореховыми глазами.

Но не успела Женя это подумать, как Дженни выкинула еще один фокус. Она взяла оператора Мишу за руку и потянула за собой.

—Куда ты меня ведешь?— поинтересовался оператор, но покорно поднялся с пенька и пошел за Дженни.

Она повела его в открытую калитку их дома, а там свернула направо, к кустам крыжовника у забора. Потом Дженни подвела оператора к кусту, подняла морду и сорвала ягоду. Так вот кто обобрал весь крыжовник, догадалась Женя, ведь бабушка подумала на нее.

—Господи, теперь мне на варенье не хватит,— взывала бабушка.

И Жене приходилось оправдываться и божиться, что она ничего не обрывала, и вообще крыжовник терпеть не может: он кислый и колется.

—Как вы думаете, Женя, ваша собака приглашает меня угоститься?

—Ну, конечно,— ответила Женя,— вы ведь ее угощали. Она очень воспитанная,— добавила Женя, хотя еще минуту назад совсем так не думала. Но кто ж будет возражать, когда дело идет о похвале своей любимой собаки.

—Чудеса,— сказал оператор и отщипнул ягоду. — Ну, перерыв окончился, мне пора. Увидимся!

И Женя подумала, что с помощью Дженни можно завести много-много хороших новых друзей.

Прятки и опята

Наше северное лето, как известно, проходит быстро. Пролетит — не успеешь оглянуться. Уже в начале августа ветер нет-нет да сорвет с осины пожелтый лист. Потом темнеет листва на березах. И в саду начинает остро пахнуть, будто солеными огурцами, в которые бабушка кладет смородиновые листья, созревшая смородина. Краснеет крыжовник, вянут и падают на землю недобранные ягоды малины. И однажды Женя, которая вышла пройтись с Дженни по участку, увидела в небе стаю птиц, которые летели на юг.

Птицы летели стройно и уверенно в глубоком небе. Двигались они медленно, так казалось с земли. Будто по вате тихо плывущих бело-серых облаков рассыпали пригоршню семечек. И это зрелище было, отчего-то, таким грустным, что хотелось улететь вместе с ними.

Рыжий и Дженни теперь, будто чувствуя, что скоро придется расставаться, то и дело ходили друг к другу в гости. И даже играли в прятки. Кот прятался в кустах, а Дженни его искала. А когда Дженни спала после обеда

— совсем как дедушка — кот приходил, крадучись, пробирался на веранду и громко звал подругу: мя-я-я-у. Дженни тут же просыпалась, зевала, отряхивалась так сильно, что уши разлетались во все стороны и громко хлопали, и они опять принимались играть.

К ним часто пыталась присоединиться и Женя, но куда там, догнать их она, конечно, не могла. Они так и шмыгали туда-сюда по всему участку, причем кот бежал, низко прижимаясь к земле, а Дженни догоняла его большими смешными неуклюжими прыжками. Вот только что они были здесь, но не успеешь оглянуться — они уже на другом конце.

И вот как-то Женя, пытаясь поспеть за ними, когда кот и собака унеслись на другой конец, добежала до бревен. И остановилась пораженная. Все бревна были усыпаны грибами, и некоторые грибы были развесистые как уши слоненка. Так подумала Женя, потому что хорошо помнила картинки из книжки со сказкой Киплинга. А ведь еще пару дней назад никаких грибов здесь не было, Женя твердо помнила. И Женя побежала к бабушке.

—Бабушка, бабушка!— кричала она.

—Боже, что ж ты так вопишь,— откликнулась бабушка.

—Там грибов чертова туча! — Этому выражению Женя научилась у мамы, которая таким образом отзывалась о комарах.

—Твоей матери школа — научила ребенка ругаться.

Но тут же забыла про свои нотации, потому что весть о грибах ее, видно, заинтересовала.

—Значит,— сказала она,— опята пошли. А ведь в прошлом году не было. Раньше-то, в прежние годы, мы их здесь ведрами собирали. Что ж, значит, грибной нынче год.

—Опятный,— уточнила Жена.

—Ладно, вот тебе корзинка, пойди и набери опят, пожарю к обеду. Но аккуратно рви, не кроши шляпки.

И Женя, получив корзинку, радостно припрыгивая от такого интересного задания, позвала Дженни:

—Иди псюда.

—Почему псюда? — спросила бабушка. —Что такое псюда?

—Ах, это для краткости, мы же торопимся— объяснила Женя,— ведь иначе пришлось бы говорить иди сюда, пса. А псюда — короче.

—Хорошо, отправляйтесь,— сказала бабушка и отвернувшись, скрывая улыбку.

Женя и Дженни вместе забрались в самую сырую тень. Опята стелились по земле, огромные, как лопухи.

—Смотри, Дженни, у них такие же развесистые уши, как у тебя.

Опята сладко пахли, и когда Женя оторвала первый гриб, сладкий запах так и окутал ее.

Женя рвала и рвала опята, но любопытная Дженни тыкалась носом ей под руку.

—Ах, Дженни, ты же мне только мешаешь. А нет, чтобы помочь...

Уже через пять минут корзинка наполнилась до краев. А опят под кустами меньше не стало. Женя отнесла собранные грибы бабушке, и они ссыпали добычу в большую миску.

—Я еще пойду,— сказала Женя, потому что ей очень понравилось самостоятельно собирать грибы и обеспечивать тем самым семью пищей. Она уже придумала, как дед будет хвалить ее и ею гордиться. А мама скажет, будто с завистью:

—Ну, надо же.

Последняя похвала была бы особенно приятна — мама редко хвалила Женю. Но теперь другое дело. Еще бы: они с Дженни сами нашли грибы. И сами собрали. Как здесь не загордиться. Это каждый грибник понимает... И Женя принесла еще две полных корзинки опять, так что пришлось пересыпать их из миски в большой таз.

—Там еще много,— говорила Женя, запыхавшись.

Дженни сидела рядом, высунув розовый язык. Но Женя знала уже, ей объяснил дед, когда-то ходивший на охоту, что собаки высовывают язык не от того, что устали. Таким образом она охлаждаются. Ну, как люди, когда они обмахиваются веером. Или за неимением веера — газетой.

—Идем, Дженни, на грибную охоту,— сказала Женя,— что ты уселась. Про грибную охоту она тоже знала от бабушки. —Ты же теперь охотничья собака по грибам.

—Нет, все, хватит,— сказала бабушка. — Я и с этими-то не знаю что делать. Это ж на три сковородки. У меня и масла столько нет.

—Дадим им грибов с собой в дорогу,— тут же придумала Женя. Им это деду и маме. — А еще пошлем гостинец с дачи Нине Николаевне и Марте,— добавила она.

И бабушка так посмотрела на внуку, что Женя поняла — она тоже ею гордится.

Звездопад

До отъезда в город оставалось всего несколько дней, потому что август кончался. И мама в Москве приготовила новые разноцветные фломастеры. Ведь теперь Женя стала взрослой, и грызть фломастеры не пришло бы ей в голову: так она поступала с фломастерами, когда была не такой взрослой. Но, скажем прямо, маленькой.

Женя так долго хотела повзрослеть. Потому что у взрослых совсем другая жизнь. Ведь когда она повзрослеет, никто не будет ее днем укладывать спать. И бабушка, и мама после обеда укладываются спать сами, по доброй воле, они, наверное, сильно устают. А Женя — ни капельки. Отчего ей уставать. Она станет взрослой, днем после школы будет делать уроки с бабушкой, а потом сама гулять с Дженни во дворе. И этого ей тогда уж никто не запретит. Потому что она поставит вопрос ребром: или я взрослая и хожу в школу, или я не хожу в школу, и тогда гуляйте с собакой сами.

Так Жене представлялась ее будущее.

Но теперь, когда до школы оставалось всего ничего, ей отчего-то стало грустно. Она почувствовала, хоть и не сумела бы этого высказать, насколько беззаботной была ее жизнь — уроки английского и фигурного катания не в счет. А главное, главное, она же не расставалась с Дженни ни на минуту с того момента, как Дженни появилась у них в доме. А теперь, теперь придется не

видеться по полдня. Ведь с собаками в школу не пускают. Это сколько же часов Дженни будет без нее. Женя попыталась подсчитать, сколько часов укладываются в половину дня, но у нее не получилось. Что ж, вздохнула Женя, хотя бы для этого нужно идти в школу: там научат, как подсчитывать часы...

Как-то вечером Женя вышла на крыльцо под вечер, когда уже стемнело, ведь дни в августе становятся все короче. И ахнула. С черного, как бархат старой маминой юбки, августовского неба то в одном месте, то в другом падали звезды.

—Бабушка, бабушка, смотри, смотри!

Бабушка вышла на крыльцо, посмотрела на падающие звезды, проводила одну глазами и сказала:

—Что ж, как увидишь, что звездочка падает, загадай желание.

—А ты уж загадала?

—Ах,— сказала бабушка,— все мои желания уже давно сбылись. А у тебя жизнь впереди.

Бабушка часто говорила внучке, что у нее впереди жизнь. Довольно странное выражение, согласитесь. Что значит — впереди? А сейчас, когда Женя теплым августовским вечером стоит на крыльце и смотрит на падающие звезды — это что, разве не жизнь?

—Загадала! — воскликнула Женя.

—Ну, вот и хорошо,— сказала бабушка.

—А тебе разве не интересно, что я загадала?— спросила Женя, огорчившись, что ее бабушка такая не любопытная. Что это с ней сегодня? Ведь бабушка всегда все хочет знать: и не болит ли у внучки живот, и почему она и не спит, и вообще...

—Желания лучше держать при себе,— грустно отвечала бабушка,— потому что так они лучше сбываются...

—А я скажу,— настаивала Женя,— потому что ты мне родная бабушка, а родным бабушкам сказать можно.

—Ну, хорошо, что же ты загадала?

—Я загадала,— сказала Женя мечтательно,— что я уже закончила первый класс. На отлично. И что мы с мамой и Дженни едем, наконец, к теплому морю.

—Ну, что ж, это хорошее желание. Вот только ты непоседа. И будешь ли ты учиться на одни пятерки. Ведь пятерку надо заслужить и по поведению тоже. Иначе остальные успехи не считаются.

И бабушка с сомнением покачала головой.

Фу, как нечестно, подумала Женя. Как это не считаются. Скажем, если девочка знает все-все на пять, а потом, скажем, залезла на забор, то уж и не считаются. Странные порядки у них там в этой самой школе. Это как если бы дедушка весь месяц работал, а потом выпил бы бутылку коньяка, то ему что же — не надо давать зарплату? Но все это Женя подумала про себя. А вслух сказала:

—Ох,— сказала Женя,— как вы мне надоели с этим вашим хорошо учиться. Да я буду учиться не то что на одни пятерки, но на шестерки. И даже на семерки. Только бы нас с Дженни взяли на море. Правда, Дженни, мы будем с тобой учиться...

—Ав,— сказала Дженни.

—И вообще — тебе пора собираться в постель,— сказала бабушка. — Посмотри свою программу Спокойной ночи и — марш в кровать.

—Бабушка,— сказала Женя очень серьезно, настолько, как только могла,— сколько раз тебе мама говорила, что не надо ребенка заставлять есть. Так вот, то же самое относится и ко сну. Можно я подсмоторю еще хоть одну звездочку. Потому что я еще не все желания загадала.

—Ну, что с тобой делать,— вздохнула бабушка. — Но только одну.

И она ушла в дом.

—Дженни,— сказала Женя,— смотри внимательно. И как увидишь падающую звездочку, загадывай желание.

Дженни лизнула хозяйку в щеку.

—Ох, какая ты у меня глупышка. Смотри не на меня, а на небо. Вот, вот, видишь, еще одна упала.

И Дженни действительно посмотрела на небо.

—Ну что, загадала? Тогда скажи мне по секрету — какое желание? Или нет, не говори, а то не сбудется.

И они еще долго сидели на крыльце под августовским небом, девочка и собака, и смотрели, как падают звезды. И, честно сказать, ни у одной из них не было никаких особых желаний. У них было одно желание — как можно дольше, нет — всегда, быть вместе. И любить друг друга.

Прощай, дача

Нет ничего грустнее, чем уезжать с дачи поздним августом.

Вещи покидают свои места, к которым за долгое лето они так привыкли. Скажем, сковорода, так уютно висевшая на кухне на гвозде вниз головой, исчезла со стены, и гвоздь осиротел. Исчез мамин плед с кушетки под лестницей. Опустела тумбочка из-под телевизора. Неуютной казалась и веранда с голым круглым столом. И голая лампочка без абажура, который заперли в чулан. Только на подоконнике оставался забытый подсвечник с оплывшей свечой. Да ненужное теперь средство от комаров в фиолетовом пластмассовом флаконе. Да расчерченный лист бумаги, на который капнул свечной воск — пулька от преферанса, в который так уютно вечерами играли здесь взрослые.

Пока грузили вещи в машину, Женя еще и еще раз обошла комнаты — бабушка велела взглянуть, не забыла ли она чего. На тумбочке у бабушкиной кровати оставались несколько пузырьков от лекарств, Женя проверила — все почти пустые. В комнате у мамы были кое-как запихнутые в шкаф летние дачные вещи. Да сломанный пластмассовый гребень, который мама забыла, наверное, выбросить. Нет, ничего нужного Женя в доме не нашла. Дача осиротела.

Она вышла на крыльцо, огляделась. Висит большой навесной замок на сарае, в котором на зиму заточен мамин велосипед. Опустела площадка перед домом, откуда исчез красивый надувной бассейн с веселыми дельфинами на боках. И, кажется, осиротел сад. С кус-

тов все ягоды были собраны, и кусты смородины и кусты крыжовника, казалось, тоже грустили. На большой старой яблоне уже не было яблок, и те, что не пошли в компот, покрывали землю под ней, и у этой падалицы были коричневые бока. Падали, кружась, мелкие листочки со старой березы — с той, на которой еще недавно сидел белый попугай.

Что ж, Женя вздохнула и накинула за спину рюкзак, в который были собраны ее вещи. И взяла пакет с двумя мисками Дженни. Вот уж кто совсем не грустит. Дженни весело скакала, мешая грузить вещи, носилась от машины к Жене и обратно, вовсю размахивая хвостом. Быть может, она думала, что ее хозяйева сейчас играют в какую-то веселую игру? Наверное, не понимает, что уж не носиться ей за рыжим котом до следующего лета. А до лета еще осень, потом зима, потом хлипкая городская весна с холодными лужами на бульваре и с бурями, с каждым днем оседающими сугробами. Целая вечность.

Пришел дедушка. Он деловито стал надевать на окна щиты из досок, извлеченные из сарая и приготовленные им у каждого окна.

—Что, школьница,— сказал дед очень бодро,— соскучилась, наверное, по дому?

Потом он нагнулся к Дженни, которая вертелась у него под ногами, в веселом ожидании, когда ее позовут садиться в машину. Потрепал ее за ухо и сказал:

—Что ж, пойдем сегодня с тобой на бульвар. Если, конечно, ты будешь себя прилично вести.

И вдруг, как это случается не только с маленькими девочками, но и с девочками взрослыми, настроение у

Жени как по волшебству переменялось. Женя вспомнила, что дома, в Москве, ждет ее новенький сине-желтый ранец со всякими отделениями и кармашками, и тетрадки со смешными обложками, и учебники с яркими красивыми картинками. И трамваи с их веселым городским громоуханием, и Дженнины собачьи друзья на бульваре, и Наташка. Они хоть и ссорятся иногда, но прошлым летом, когда Женя вернулась с дачи, а Наташку привезли из Крыма, они мигом забыли все ссоры и долго-долго играли — до самого сна.

Но главное, главное в Москве ее ждет красивое новое коричневое платье с белым вышитым отложным воротником, которое она еще ни разу не померила. Ведь совсем скоро, всего-то через три дня, она пойдет в школу.

Женя мигом перестала чувствовать себя так, будто она сирота. Сирота, как оставленная дача. Не то, чтобы Женя очень хотела идти в школу. Нет, ей, конечно, было и любопытно, и немного страшновато. Но, как сказано, ее беспокоило, как же теперь по полдня будет оставаться без нее Дженни. Ведь с тех пор, как Дженни щенком появилась в доме, они не расставались ни на миг. Ни на секундочку.

—Ну, вот,— сказал несколько запыхавшийся дедушка,— все, девочки, пойдете в машину. А то ваша мама уже ругается, что мы долго раскачиваемся.

—А мы и не раскачиваемся. Правда, Дженни. — Женя обернулась к дому и помахала ему рукой. — Прощай, домишко. Не грусти, мы еще приедем. И будем гостить у тебя все следующее лето...

И вот, когда все уселись, и машина уже выехала из ворот, и дед их запирает на большой замок, Женя крикнула:

— Подожди, подожди, мама. Смотри, смотри.

На их заборе неподвижно сидел Рыжий и смотрел на них грустными глазами.

— Это он пришел нас проводить, — сказала бабушка.

— Рыжий, — крикнула тогда Женя, — Дженни любит тебя. И она еще вернется, не грусти, Рыжий. Милый, милый кот.

Дедушка сел на переднее сидение рядом с мамой. И они тронулись, а Женя и Дженни смотрели сквозь заднее стекло, пока и сама дача, и забор не остались за поворотом. А с ними и весь дачный поселок Нарядный.

Митинг

— Ах, бабушка, не нужен мне этот белый бант. Я не кукла. И вообще, банты носят одни пудели.

Так говорила Женя, стоя перед большим зеркалом в прихожей. На ней было коричневое платье с отложным кружевным белым воротником. И коричневые лаковые туфельки с острыми мысками и с золочеными пряжками.

— Господь с тобой, — сказала бабушка. — Где это, скажи на милость, ты видела пуделя с бантом?

— Как это где? Бант носит пудель Артемон, — объяснила Женя, вырываясь из бабушкиных рук. — Ну, приятель Мальвины. В которую еще влюбился Буратино.

— А вот и цветы! — крикнул дедушка с порога, едва войдя в квартиру. Его уже с самого утра послали к метро

в цветочную палатку. —Вполне, мне кажется, пристойный букет.

День был такой необычный, что бабушка даже была попросить дедушку по пути за цветами захватить еще и молока и хлеба.

—Розы — это хорошо. Это правильно, не гвоздики же дарить. Но почему чайные? — спросила бабушка, критически разглядывая букет. — И к тому же, почему их здесь восемь? Четные букеты приносят только на похороны.

—Вот пройдоха,— вздохнул дед,— эта продавщица. Она меня надула. Я просил девять, но не проверил, когда она заворачивала. И один цветок она стащила.

—Притырила,— поправила деда Женя.

—Зажала,— вставила мама.

—Что ж, будешь дарить семь,— сказала бабушка. —Одну давай сюда. Я поставлю ее в вазу на свой столик.

—А чайные — это тоже красиво,— сказал дедушка не вполне уверенно.

—Ах, надуть тебя, папа, нетрудно,— заметила мама, которая не могла проводить дочь в школу сама, потому что как на зло на этот день у нее с самого утра было назначено важное совещание в офисе. —А что чайные, это даже неплохо. Не алые же дарить: было бы похоже, мама, что твой муж уже влюбился в учительницу твоей внучки.

—Да я его на рынок боюсь посылать, обязательно его обжулят,— проворчала бабушка. Ей не нравились шутки в адрес ее мужа и его возможной влюбленности

в кого-нибудь другого, кроме нее. Пусть даже и в учительницу. И она прикрикнула на Женю:

— Да не вертись ты, стой спокойно.

— Я все равно его по дороге сниму, — упрямылась Женя. — Быть может, когда ты ходила в эту, как его... в гимназию, банты и были в моде. Но сегодня это вовсе не модно. Самостоятельная современная девочка не может носить бант. Ни под каким видом. Мальчишки засмеют.

Все это она произнесла с самым важным видом, чувствуя свою значительность: еще бы, все семья и весь вчерашний вечер, и сегодня с раннего утра крутилась вокруг нее.

— Ты что же, полагаешь, я родилась до революции? — буркнула бабушка, сдавшись и откалывая бант. — А я, между прочим, даже не застала отдельного обучения.

— Это как? — спросила Женя.

— Когда-то давно, после войны, мальчики и девочки обучались в школе отдельно. Каждый в своей.

— Это еще зачем? — удивилась Женя. — Тогда уж и дворы надо было бы делать отдельными. И катки.

— У моей дочери вообще плохо с чувством времени, — сказала мама невпопад. Что было неверно. У Жени с чувством времени все было как раз хорошо. А вот у мамы — неважно, и она вечно куда-нибудь опаздывала.

— Я хотела сказать, — поняла свою оплошность мама, — с чувством исторического времени.

— Ах, перестаньте молоть ерунду! — нервно воскликнула бабушка. — Кстати, Света, ты опаздываешь.

— Бегу, бегу. — И мама чмокнула Женю по очереди в обе щеки. — Держись молодцом, угу?

И она выскочила из квартиры.

На самом деле проблема была не в банте, конечно, и уж точно не в чувстве истории. Просто-напросто вся семья ужасно волновалась. Тряслись руки у бабушки, обмирала со страха мама, и даже дедушка беспокоился, хотя его трудно было чем-нибудь взволновать. Чувствуя общее волнение, волновалась и Дженни: она вилась возле Жени, заглядывая в глаза, потом то на секундочку приседала, а то принималась тихо поскуливать. И все потому, что страшно волновалась сама ее хозяйка.

Действительно, Женя этой ночью никак не могла заснуть, хотя обычно после бурного дня засыпала, что называется, без задних ног. Без задних лап, как говорила Женя. И сейчас ее бросало то в жар, то в холод. У нее дрожали губы, даже в зеркало было заметно, — как если бы она готовилась заплакать. И ладошки были мокрые. Шутка ли — идти в первый раз в первый класс, сами бы попробовали.

—Все, время!— сказал дед решительно. —Давай, внучка, лапу. То есть, давай руку. И пошли.

Еще накануне было решено, что первого сентября поведет в школу Женю именно дедушка. На то было несколько резонов. Во-первых, бабушка слишком волновалась и могла сделать что-нибудь не так. Во-вторых, мама в этот день оказалась очень занята.

—Ты всегда занята, когда речь идет о твоём ребенке, — говорила в таких случаях бабушка. Но на сей раз не добавила, как обычно: —Вот я умру, будешь сама воспитывать свою дочь.

А последнее и главное: дедушка Жени был высокий, очень представительный и обаятельный мужчина,

кассирши и продавщицы в продуктовых магазинах на него засматривались и переставали обсчитывать и обвешивать. Ну, ненадолго, конечно. Так что вручить цветы учительнице должен был, конечно же, он.

Разумеется, Женя пыталась уговорить взрослых, что совершенно необходимо, чтобы в школу ее провожала и Дженни. Но вся семья на этот раз проявила в этом вопросе такое твердое единодушие, что Женя не стала настаивать и отступила. Что ж, она и сама понимала, что идти впервые в школу — дело серьезное и ответственное, не маленькая.

Школа была совсем близко, за углом, даже улицу не надо переходить. Пятиэтажное серое кирпичное здание глядело не слишком приветливо. Даже, можно сказать, мрачновато и казенно. Перед ним был чахлый сквер без единой лавочки, а посреди сквера стоял неизвестный памятник с ружьем, весь в облупленной серебряной краске.

Зато на крыльце школы царил праздник. Там выстроились в ряд несколько учителей первых классов с директором посередине. Директор был в коричневом костюме, в розовой рубашке, в синем в полоску галстуке и серой шляпе. Как раз когда Женя с дедушкой подошли, директор говорил речь. Они встали с краю толпы мам, пап и их детей, сверстников Жени, будущих ее одноклассников, и тоже стали старательно слушать. Поодаль стояла группка учеников постарше, но это был не их праздник, и потому они слушали невнимательно и шушукались. А, может быть, они все это уже слышали.

Директор говорил долго. Что-то про стезю жизни, на которую вы сегодня вступаете, и еще про ответст-

венность и прилежание. И Жене сразу же захотелось обратно домой. К Дженни и бабушке. Возможно, она была не очень готова уже сегодня ступить на эту самую стезю, хотя и не понимала: стезя — это что такое. Но то, что это было нечто малообещающее и не сулящее ничего хорошего, это она поняла сразу.

Наконец, директор закончил и стал по очереди представлять учителей. Было заранее известно, что Женя будет учиться в 1Б, и учителем ее оказался очень молодой человек чем-то похожий на хозяина Афонии, но без усов. На нем были джинсы и открытая рубашка под пиджаком в веселую мелкую клетку. И сразу стало ясно, что эта школа — демократическая, свободная, Женя это не то чтобы поняла, скорее почувствовала, и ей стало чуть легче. А дедушка, глядя на Жениного учителя, сказал:

—Что ж, цветы придется отнести обратно бабушке. Но потом подумал и пытливо поглядел на Женю.

—Вот что, внучка. Ты у меня смелая и самостоятельная. Поэтому ты вручишь букет своему учителю сама. Дай мне свой ранец, я пока подержу. А ты держи букет.

Учитель как раз приближался к ним, высоко держа табличку с надписью 1Б. И громко звал своих будущих учеников собраться возле него. И Женя, обмирая от страха, на дрожащих ногах подошла к учителю и от волнения очень громко сказала, почти прокричала:

—Это вам, товарищ господин учитель!

Тот сначала несколько удивился, но потом весело рассмеялся.

—Спасибо. Красивый букет. А как тебя зовут, девочка?

—Женя,— сказала Женя.

—А полное имя?

—Евгения,— прошептала Женя, краснея от страха и растерянности.

—А меня — Константин Сергеевич. Ну, становись Евгения, поближе. Итак,— громко сказал он,— товарищи родители, или, как говорит Евгения, господа. Сегодня по случаю нашего общего праздника у нас будет только два ознакомительных урока. Закончатся они через полтора часа. И вас попрошу подойти к этому времени и разобрать детей. А теперь ученики 1Б, подойдите ближе. И я посчитаю вас по головам.

Он посчитал. Оказалось — все на месте согласно списку, ровно двадцать четыре человека.

—За мной, в класс,— скомандовал Константин Сергеевич.

И дедушка едва успел вернуть Жене ее ранец. И шепнуть:

—Я здесь буду ждать, на бульваре в кафе. —И неуверенно добавил. —Газету читаю.

Что ж, подумала сердобольная Женя, которая очень любила дедушку, он тоже переволновался. Можно понять, пусть выпьет свои сто граммов коньяка.

Волнуясь и труся, то и дело оглядываясь на дедушку, Женя надела свой ранец на плечи. С одной стороны, она чувствовала, что вот сейчас, в эту самую минуту, она прощается с таким милым и беззаботным своим детством. Но с другой стороны было хоть и страшно, но весело и любопытно начинать новую жизнь. С такими сме-

шанными чувствами Женя влилась в свой будущий коллектив.

Как мы провели лето

В назначенное время дедушка встретил Женю, которая бросилась к нему с воплем:

—Дед, дед, я им все рассказала про Дженни!

—Как, разве вы не учились?

—Конечно, учились. Мы учились устному рассказу и как правильно говорить. Но все говорят не очень правильно, особенно Вампир.

—Какой вампир? Ты, знаешь ли, лучше так не шути. Тоже выдумала. Не пугай бабушку.

—Да я не выдумала и не шучу. Ну, меня с ним посадили. Потому что Константин Сергеевич сказал, чтобы девочки садились с мальчиками. Но мальчиков не всем досталось. А мне достался Вампир.

—Да что же это такое творится в современной школе! — поразился дедушка. Он так удивился, будто никогда не учился в школе и не имел дела с вампирами.

—Ну, Константин Сергеевич сказал, чтобы все, кто сидит за одной партой, познакомились друг с дружкой. И я сказала ему, что я — Женя. А он сказал: а я — Вампир. Видишь, какие красные губы? Это я крови насосался.

—Ну, даже и не знаю,— растерянно пробормотал дедушка.

—Это у него такое имя в блоге,— пояснила Женя.

—В чем в чем?

—Ну, в Интернете, в живом журнале. Имечко, конечно, еще то. Фильмов, наверное, посмотрелся про вампиров и прочую нечисть. А красные губы у него — от

маминой губной помады. Я его мигом раскусила. Приклеила ему на губы промокашку — так и есть, губная помада. Но если все-таки будет кровь пить, я сама мигом его прихлопну,— сказала Женя беззаботно. —Как... как комара.

—Да, солидно. И где ты только научилась так обращаться со своими... товарищами.

Дедушка хотел сказать с вампирами, но вовремя спохватился.

—С товарищами по несчастью, ты хотел сказать? А нигде.

—Отчего же по несчастью. Школа — это...

Но Женя уже выпустила руку дедушки. И оглянулась вокруг. Она только сейчас увидела, какой на дворе стоит роскошный солнечный сентябрь. За всеми волнениями этого утра ей было некогда смотреть по сторонам, а сейчас она даже зажмурилась — так было хорошо. Синим и глубоким было небо, в котором высоко-высоко висели неподвижные белые с серыми боками кучерявые облака. И нарядными выглядели желтеющие и краснеющие деревья. И уютно шуршала под ногами палая листва.

—Знаешь что, деда, давай забежим домой, я сниму это дурацкое платье, надену кроссовки, мы возьмем Дженни и пойдем на бульвар...

Но этот план им удался не сразу.

Платье-то Женя снять успела. А вот сразу отправиться гулять им не позволили. Потому что бабушка категорически заявила, что пока Женя не расскажет, что было в школе в этот во всех отношениях знаменательный день, гулять она ее не отпустит.

—Ну, что,— сказала Женя недовольно,— все как обычно. Как в школе бывает. — В школе Женя была сегодня, как мы знаем, в первый раз, но смотрела про школу фильмы.

—Сначала я, конечно, немного трусилась...

—Это как?—спросила бабушка. —Может быть, трусила ты хотела сказать.

—Не придирайся, иначе ничего не скажу. Так вот, сначала Константин Сергеевич спросил про лето, и я рассказала ему... ну, то есть всем... как мы проводили время с Дженни. Ну, о ее привычках, вкусах...

—И что же ты рассказала о привычках и вкусах Дженни? —спросила бабушка подозрительно. Потому что засомневалась: уж не сморозила ли ее взбалмошная внучка в классе какую-нибудь несуразицу.

—Ну, что. Рассказала, как Дженни чешется боком о сосну.

—Боже, да разве ж она у нас чешется!

—Ну, почесывается иногда. И сейчас у нее начинается линька. Что еще? Потом я рассказала, какая она у нас попрошайка, все время сидит у меня рядом со стулом, когда я завтракаю, и выпрашивает кусочек.

—А не могла бы ты рассказать что-нибудь... что-нибудь...

—Позитивное,— подсказал дедушка.

—Вот именно. Какая она у нас красивая, например. Или там, какая Дженни у нас послушная.

—Ну, это же само собой разумеется,— сказала Женя. — Стала бы я иметь дело с непослушной и некрасивой собакой.

Но Женя, конечно, привирала. Рассказывать-то она рассказывала, это правда, но времени ей было отведено — одна минута. Даже полминутки. И она успела только похвастаться, что у нее есть умный и прекрасный шоколадного цвета лабрадор с ореховыми глазами, с которым она и жила все лето на даче. А потом стали говорить другие. И Вампир сказал, что он ни на какой даче жить бы не стал, скучно, а поехал бы в южные моря, как все порядочные пираты. А где он был на самом деле никто так и не узнал.

—И еще про то, как она любит валяться в грязных лужах,— продолжала заливать и дразнить бабушку Женя. — Как увидит грязную лужу — так брык на бок и катается в ней.

—Да зачем же ты все это рассказала, скажи на милость! Теперь в школе будут думать, что у тебя в семье грязная вонючая невоспитанная собака. К тому же попрошайка.

— А что? Ты сама учила меня говорить правду и одну только правду.

И бабушка не нашлась что ответить.

—Но ты бабуль не волнуйся, было весело. Все очень смеялись — Женя подумала и добавила. —И Вампир тоже.

—О-о-о,— застонала бабушка. Наверное, она подумала в этот момент, что внучку надо срочно забирать из этой школы и переводить в другую.

—Да нет, он не то чтобы вампир, но это у него кличка такая в сети. Мы с ним уже подружились. Мальчишка как мальчишка. Он еще маленький совсем. И вообще — я тебя разыграла, разыграла,— запрыгала на

одной ноге Женя. — А ты и поверила. Конечно, я сказала, какая Дженни у нас умница-красавица, вот что я сказала. А теперь мы идем гулять. Дженни, где твой поводок?

Но Дженни уже держала ошейник с поводком в зубах, стащив их со специального крючка в прихожей.

И пока Женя в своей комнате натягивала джинсы и свитер, бабушка и дедушка выразительно переглянулись. Потому что и бабушка за своими хлопотами по дому, и дедушка за своими делами и не заметили, как их внучка поумнела.

Вампир Витя

Вампир жил по соседству. Звали Вампира Витя. Скорее всего, он был хулиган. Но уже скоро обнаружилось, что он очень много знает. Во-первых, он точно знал, где находится Антарктида, и когда Женя сказала, что она тоже знает — на севере, он ее высмеял.

— Чмо.

— Кто-кто?

— Ну, шланг. На севере — Арктика. А Антарктика — на юге. — И добавил: Книжки надо читать.

Женя, конечно, обиделась.

— Знаешь что, — сказала Женя. — Если ты такой умный, то скажи мне, как называется порода белых крупных попугаев?

— А причем здесь, — сказал Вампир. И стало ясно, что про попугаев он ничего не знает.

Они шли из школы погожим деньком, какие и должны стоять бабьим летом. Что ж, сидят они за одной партой, а живут в соседних домах. Почему бы и не идти домой вместе.

—Ладно, я пошел. А то еще увидят, что я с тобой хожу,— неожиданно сказал Вампир.

—Ну и иди. Это я с тобой хожу. И вообще, можешь и не ходить. Сам напросился.

—Это я-то напросился! — возмутился Вампир. —Да ты кто такая.

Короче, в тот день они поссорились.

Но на следующий день помирились, потому что на первом же уроке Вампир толкнул Женю локтем и прошептал:

—А я знаю про белых попугаев?

—Это откуда же? — усомнилась Женю. —Вчера еще не знал.

—Откуда-откуда, из гугля.

—А это кто? — удивилась Женя.

—Не кто, а поисковая система, темная ты чмо.

—Ты опять?

—Нет, ты точно чмо. — Вампир постучал себе по голове. —Лучше на вот, возьми, почитай, будешь знать про пиратов. — И Вампир тихонько подсунул Жене какую-то книгу.

Но тут Константин Сергеевич строго сказал:

—Третья парта у окна. Перестаньте разговаривать на уроке...

Дома Женя показала книгу бабушке. Это оказалась Одиссея капитана Блада.

—Как переводится это имя? — строго спросила бабушка. —Или за лето ты все забыла из английского.

—Чего это я забыла,— сказала Женя не совсем грамотно, наверное начало сказываться влияние Вампира. —Кровь, вот как переводится. И это естественно — он же Вампир, вот и подсовывает такие книжки. Это ему положено по... по должности.

—И ты думаешь, это хорошее чтение для девочки?

—Да я уж про пиратов все по телевизору видела.

—Прав бабушка, этот самый телевизор мы ограничим.

—Но почему?

—Он будет отрывать тебя от выполнения домашних заданий.

—Бабушка, невозможно быть такой нудной.

—А будешь грубить — гулять не пойдешь.

Вот этого Женя никак не хотела бы. Потому что, прощаясь, Вампир спросил, во сколько Женя гуляет. И она ответила: вот пообедаю и мы с Дженни выйдем во двор. И она ни за что не хотела бы, чтобы они не встретились. Потому что потом пришлось бы объяснять Вампиру, что, мол, бабушка ее не отпустила. За грубость. Не врать же. Но и признаться в таком стыдно. Поэтому она сказала:

—Извини, пожалуйста, бабуля. Ты у нас не нудная, ты веселая. Как Мэри Поппинс.

—Ну, это уже преувеличение,— сказала бабушка. —Идите, пройдитеесь, а потом — за уроки...

Народная вампирская

Еще Витя-Вампир употреблял довольно странные слова и выражения. Например: зашибись, стибрить, хи-

ляк, чубрик, чепушило, жесьть, препод, ржунимагу, пац-сталом, готично, овощ тебе в помощь, ясен перец, маг, телек, ботаник, клавиша, антикварный баян, борман, карлсон, фиолетово, чавка отвисла, тащиться, музон, глюки, косить, круто, в теме и совсем уж невозможные какие-то шнурки в стакане.

На первых порах из всего этого набора Женя мало что понимала. Ну, кроме тех слов, которые мальчишки употребляют еще со времен республики ШКИД. И еще телек, по аналогии с велик, как изредка называла мама свой велосипед. Ящик, короче. Еще ее заинтересовал чубрик, кто это — Женя не могла догадаться, пока прямо не спросила Вампира.

—Ну, вроде как чувак,— объяснил тот.

Чепушило было похоже на каппутино, но оказалось, что это что-то вроде бродяги, опустившегося человека, бомжа

Но больше всего Женю заинтриговали шнурки в стакане, но это, как оказалось, на человеческий язык не переводимо.

—Ну, короче, бодяга,— дал свой комментарий Вампир.

Клава оказалась клавиатурой, Но и чмо тоже. Дура, короче. Антикварный баян — это полная чушь. Фиолетово не означало ничего, кроме расплывчатой одобрительной эстетической оценки, а чавка отвисла означало, ясно дело, отвисла челюсть. То есть на обычном языке ну и удивился же я...

Были и еще слова нового поколения, компьютерной эры, вайфай, джипиз или там продвинутый айфон, но изучение этого лингвистического слоя Женя решила

отложить до тех времен, когда ей подарят компьютер, в ее списке комбик стоял сразу после велосипеда...

Вскоре стало понятно, отчего Вампир такой продвинутый в языке и в компьютере. Он не сам был такой умный. Просто-напросто у него был старший взрослый брат Володя, который учился в той же школе в седьмом классе. Наверное, этот самый Володя тоже был хулиган, но талантливый. Он издавал школьную стенную газету, где помещал стихи собственного сочинения. Скажем, такие.

Вампирская народная
Когда я на почте вампиром служил
Был молод, имел я силенку,
Однажды я, братцы, в сельцо зарулил
И клевою склеил девчонку
Сначала не чуяла девка беду,
Башку задурил не на шутку,
Куда ни поеду, куда не пойду
Все к ней заверну на минутку.
И еду однажды, и вижу, опля,
Смотрит куда-то в тревоге
Тут я соскочил с удалого коня
И обнял ее при дороге.
И вот я припал к нежной шее ея,
И кровушки всласть насосался
Забилось сердце сильнее у меня
Я снова на лошадь взобрался.
В сугробе там, братцы, осталась она,
Закрылись карие очи.
Вина мне! Налейте скорее вина,
Рассказывать больше нет мочи...

Потом он объяснил поклонникам его дарования, что вампир должен был конечно потребовать не вина, а крови, но это не влезало в размер. И все его уважали. Так что вампирское начало было у братьев, по-видимому, дело семейное.

В школе, конечно, после этой жизнерадостной песенки случился неслабый переполох и небольшой скандал с вызовом к директору родителей двух веселых братьев. Рассказывали, их отец, сам по специальности компьютерщик, громко говорил в директорской в том духе, что, мол, кто из нас в молодости не хулиганил, а у мальчика ярко выраженные литературные способности. На что директор, говорили, тоже громко кричал, мол, народная песня, народная песня... кощунство и ничего святого. Но дело как-то замялось, и старший брат Вампира Вова остался в школе, хоть стенную газету выпускать ему больше не доверяли.

Это история с вампирской песней произвела на Женю сильное впечатление.

Когда она вернулась домой, то была задумчива, не стала даже целоваться с Дженни, а только потрепала ее за холку и почесала за ухом. И в ответ на обычные расспросы бабушки заявила:

—Прежде чем задавать вопросы, надо накормить человека. И не забудь, пожалуйста, достать из холодильника моченые яблоки. И мороженое на десерт.

Бабушка, несколько испуганная деловитым тоном внучки — быть может, что-то случилось — не стала ни о чем спрашивать и накрыла на стол.

Пока Женя пила из большой дедовой кружки куриный бульон с пирожком с капустой, она не произнесла ни слова. А потом спросила:

—А вот ты знаешь, бабушка, песню Когда я на почте?

—Конечно. Это старинная народная песня. Ямщицкая. А тебе зачем, внученька?

—Ах, бабушка, ты не в теме. Это песня вампирская.

—Какая, какая?—обомлела бабушка

—Ах, там целая история со стенной газетой и с этой песней. Нет, нет, меня это не касается. Это старший Вовка там опубликовал свою поэму. Ну, и ему досталось.

—Что за старший Вовка?

—Ну, брат Витьки-Вампира. И вообще, бабушка, не задавай так много вопросов. А то я подумаю, что ты не умеешь поддерживать застольную беседу.

—Ну вот, дожили,— вздохнула бабушка. —Теперь она будет учить меня хорошим манерам...

К вечеру вернулась с работы мама.

—Ну что, как твой Вампир?—спросила она уже с порога, улыбаясь и целуя дочку в нос.

Женя промолчала. Но за ужином, когда пришел и дедушка, она неожиданно объявила:

—Ну, ничего, он еще будет за мной ранец носить.

И взрослые переглянулись. Откуда такие женские задатки в их семилетней дочери и внучке.

Осенняя выставка

В субботу, как обычно, дедушка собрался на рынок. Далеко ходить было не надо, выездной рынок по вы-

ходным теперь сам прибывал на площадь. Когда дедушка возвращался с полным рюкзаком и двумя пакетами в руках, и бабушка принималась разбирать добычу, квартира наполнялась особыми, субботными, волшебными запахами. Заманчиво пахло квашеной капустой, малосольными огурцами и мочеными яблоками, острыми специями и самой разной зеленью, пахло пряно и празднично.

Женя часто бывала с дедом на рынке, и любила, когда он покупал яблоки, груши и виноград. Особенно Женя нравилось, когда продавец-кавказец замечал ее у прилавка, вернее сказать, замечал ее шапочку под прилавком.

—Дэвочка,— говорил,— попробуй груш.

И он отрезал маленькую ароматную сочную дольку. И протягивал Жене на узком лезвии перочинного ножа.

Женя осторожно брала дольку и отправляла в рот. Отчего-то здесь, на рынке груши казались много вкуснее, чем оказывались потом дома.

—Сладкий груш?— спрашивал продавец.

—Вкусный груш,— соглашалась Женя, и дедушка просил взвесить ему килограмм.

—Только бабушке не говори, что ты пробовала груши на базаре,— шептал дедушка заговорщицки,— она скажет, что это — антисанитария.

И вот в эту субботу Женя взмолилась:

—Деда, возьми на рынок нас с Дженни.

—С собаками на базар не ходят,— сказала бабушка. —Это антисанитария.

Бабушка никогда не говорила рынок, но всегда базар. Например, сегодня у нас на обед будут кислые щи с базарной свиной.

—Это наша чистейшая Дженни — антисанитария?— возмутилась Женя. —Да она сама ходячая санитария.

—Ты посмотрела бы, Таня, сколько на рынке шатаются беспризорных шелудивых псов,— заметил дедушка.

—И ты туда же. Ты что же, Сережа, не понимаешь, что брать Дженни туда нельзя. Там ей не место. Подцепит еще от этих бродячих псов какую-нибудь заразу.

—Наша Дженни с бродячими не общается,— сказала Женя.

А дедушка лишь развел руками:

—Не позволяют, маленькая,— обратился дедушка к Дженни.

—Ну, сказать о Дженни, что она маленькая — это все-таки некоторое преувеличение,— заметила Женя.

— А тебя возьму, почему нет,— сказал дедушка.

—Нет уж,— сказала Женя,— если так, то иди один. А мы с Дженни посмотрим по культуре передачу про американских бульдогов.

И тут из своей комнаты вышла заспанная мама в одном халате — в субботний день она позволяла себе поспать подольше.

—Женя, а знаешь, кто звонил мне вчера на работу? Хозяйка Дженни. И пригласила завтра, в воскресенье, на выставку молодняка.

—Ура!—закричала Женя. —Дженни, ты слышала? Ты получишь медаль, если будешь меня слушаться.

—Хозяйка спросила, знает ли Дженни команду к ноге. И иди рядом.

—И что же ты сказала?

—Сказала, что не очень-то.

—Но ты сказала, надеюсь, что Дженни умеет разговаривать?

—Боюсь, это не входит в необходимую дрессуру,— сказала мама и ушла в ванную. —И за это медаль не дадут.

—Вот что, бабушка, приготовь нам, пожалуйста, много-много кусочков черного хлеба, и мы пойдем во двор дрессироваться. Дженни, ко мне.

Дженни подошла к хозяйке, села перед ней и сказала ав.

—Вот видите, ко мне она знает. Осталось, Дженни, научиться к завтра команде иди рядом. Ты меня поняла?

Дженни наклонила голову на бок, подняла уши и пошевелила хвостом. Это означало, что она озадачена и не очень понимает, что такое от нее требуется.

—Не забудь родословную Дженни и свой паспорт,— прокричала мама из ванной. —Ах, у тебя же еще нет паспорта.

—Значит, ты должна взять свой,— прокричала в дверь ванной Женя,—собака записана на тебя...

И с этими словами Женя и Дженни пошли гулять во двор. Вампир был тут как тут: он готовился кататься на роликах.

—Ну что, чмо, привела свою толстуху,— заорал он и надул из жвачки, которую он вечно жевал, большой серый пузырь.

Женя не умела надувать пузыри из жвачки. Она тоже хотела бы этому научиться, конечно, но виду не подала. Сейчас она гордо отвернулась и сделала вид, что Вампира не замечает. Действительно, что обращать внимание на хулиганов, много чести.

—Иди в свой гугль,— только и сказала она.

—Что, прочитала про пиратов?—заорал Вампир и оттолкнулся ногой. И покатил по двору с шипом и с шиком. Ах, как хотела Женя тоже иметь роликовые коньки.

—Иди в гугль и читай про попугаев,— сказала Женя, но Вампир ее уже не слышал...

А на следующее утро они втроем — мама, Женя и Дженни — уселись в автомобиль и поехали на собачью выставку.

Выставка молодняка Общества служебного собаководства проходила на заброшенном стадионе, на футбольном поле. Трибуны здесь давно заросли травой, а кое-где между переломанных пластмассовых кресел показывались пожелтелые кустики.

Это была комбинированная выставка, и табличка лабрадоры была воткнута на палке справа от покосившихся футбольных ворот. Неподалеку располагались ризен-шнауцеры, которые лаяли и порывались подражаться. Дальше шли шелти, уменьшенные копии овчарок колли — по легенде, они получились такими маленькими, потому что однажды колли стали разводить на маленьком шотландском острове. Им негде было бегать и они не смогли вырасти до нормальных размеров.

На футбольном поле стоял лай, вой и визг, но смирная домашняя Дженни молчала и не обращала никакого внимания на эту какофонию. Она даже не залая-

ла, когда на нее сзади запрыгнул кудрявый палевый лабрадор, похожий на Афоню, а только негромко зарычала. И оскалила зубы. И Женя подумала, что ее Дженни в отличие от нее самой отлично умеет обращаться с посторонними нахальными мальчишками, где только научилась. Может и ей самой стоит натренироваться рычать и показывать зубы.

Они подошли к табличке. За раскладным столиком с разложенными на нем бумагами на раскладном стульчике сидела большая женщина с усами в красной китайской дутой куртке. То есть, у нее были не такие большие усы, как у Афониного хозяина, но заметные темные усики под носом, над верхней губой. Женщина и сама была похожа на упитанного лабрадора, потому что щеки у нее свисали, как брылья у Дженни. Она покрутила в руках мамин паспорт, внимательно просмотрела родословную и спросила:

—Вы хозяйка?

—Хозяйка она,— указала мама на Женю. —Но собака записана на меня.

—Сука? — спросила женщина-лабрадор.

—Сука,— согласилась мама.

—Вот, получите талончик с номером. Вы — девятнадцатая. Когда я вас вызову, вы должны будете пройти перед судьями. От того, как вы пройдете, зависит очередность вязки.

Вот как, подумала Женя, оказывается, вязка зависит даже не от внешнего вида, но от походки. Она уже знала, что такое вязка.

Они ждали, пока восемнадцать собачьих недорослей-лабрадоров сделают свое дефиле. Почти все до-

вольно покорно шли у ног хозяев, хотя некоторые вдруг взбрыкивали и рвались вбок, в сторону секции ризеншнауцеров. Один лабрадор, которого вел красивый чистенький мальчик в очках, чуть постарше Жени, был особенно хорош — снежно-белый красавец. Вот этого бы нам в женихи, подумала Женя, но постеснялась при маме произнести это вслух. Еще подумает, что ей понравился мальчишка.

Дошла очередь и до них. И Женя, обмирая, как будто опять шла в первый класс, повела Дженни перед тремя судьями, сидевшими на пластмассовых дачных стульях с краю бывшего футбольного поля. И вдруг случилось непредвиденное: Дженни, дойдя до судей, неожиданно остановилась и села. Трудно сказать, почему она это сделала. Она сидела и ни за что не хотела подниматься. К тому же она разинула пасть и высунула свой розовый язык.

—Девочка,— обратилась одна из судей к Жене,— так не пойдет. Вернитесь с собакой на исходную позицию и пройдите с начала.

Женя потянула Дженни за поводок, и та с неохотой поднялась. Они заняли позицию на старте и снова пошли. И опять, едва они дошли до судей, Дженни села на том же месте.

—Ладно,— сказал другой судья, мужчина с бородой и в тубетейке,— жюри все ясно. Следующий.

Женя и Дженни отошли в сторонку, к маме, причем теперь Дженни сделалась очень покладистой. А Женя чуть не плакала от досады.

—У нее, кажется, портится характер,— раздражено сказала мама.

—У любого испортится, если его на поводке вывести к судьям,— вступилась за Дженни Женя, шмыгая носом. — У меня бы у самой тоже испортился.

А Дженни на сей раз ничего не сказала. Она села у Жениной ноги и опять высунула язык. И, кажется, ей ни капельки не было стыдно.

—Она хочет пить,— сказала мама

—Ничего она не хочет,— сказала расстроенная Женя,— она прохлаждается. Ты же должна знать, ты же не...

Женя хотела сказать, что ее мама не чмо. Но осеклась. С мамой нельзя разговаривать, как с Вампиром.

Но почетную грамоту и медаль Дженни все-таки получила. Впрочем, грамоту получила скорее бабушка: за отлично выращенного щенка. А медаль дали Дженни за экстерьер. Жене сразу же захотелось примерить медаль на себя, но было бы нечестно присваивать другими честно заслуженные награды. А этот самый Вампир теперь увидит Дженни с медалью и пусть заткнется. А то: толстая, толстая...

Собачья душа

В тот год бабье лето выдалось коротким, и к концу сентября похолодало. А первый снег выпал уже в середине октября. Но радовалась раннему снегу, пожалуй, одна Дженни. Она успела, пока снег не растаял, отлично в нем поваляться, и потом шла домой сушиться, и ее дивная шелковая шоколадная шубка потом долго пахла будто сухими грибами.

Женя уже обвыклась в школе. В первые дни она так волновалась, и у нее было столько новых впечатлений — один Витька-Вампир чего стоил, — что она даже не то чтобы забыла о Дженни, но не слишком переживала ежедневную вынужденную разлуку. Но отчего-то, когда выпал первый снег, Женя опять стала очень скучать по своей хвостатой подруге.

Однажды — была пятница — Женя вышла из школы на крыльцо, и ей почудилось, что ее Дженни пробежала по школьному двору. Может быть, она пришла ее встречать? Как-нибудь выскользнула, когда бабушка выносила мусорное ведро, и взяла след. У нее же есть нижний нюх, как у каждой служебной собаки, тогда как у охотничьих — один верхний. Дженни умная, пошла встречать хозяйку. Она сама хоть и не училась в собачьей школе, Женина выучка — вот были ее университеты. И не может же она не понимать, какое это мученье сидеть пять уроков в душном классе, когда Вампир то и дело толкается. А потом на переменах видеть, как эти несносные мальчишки носятся по коридору как угорелые, и норовят друг другу поставить ножку, Да еще зубрить таблицу умножения и писать в тетрадке аккуратным почерком всякие глупости. Вот скажите, отчего мама мыла раму, а не начала со стекол, ведь стекла обычно больше пачкаются?

Женя, было, побежала за Дженни и даже догнала беглянку. Но это оказалась всего лишь кошка. Причем не коричневая, а серая. Женя в волнении бегом отправилась домой — а вдруг Дженни и впрямь сбежала. Или ее украли. Мало ли что может стрястись с такой милой доверчивой собакой. И как же Женя была рада, когда

ее Дженни прыгнула ей передними лапами на плечи и стала целоваться.

—Фу, как ты меня напугала,— сказала Женя, освобождаясь от ранца и пальто.

Но Дженни здесь была ни при чем. Не виновата же она, что ее хозяйка такая мнительная, что приняла за нее какую-то постороннюю кошку. Да еще и перепугалась до полусмерти.

—Скажи маме здравствуйте,— попросила Женя. Она теперь называла себя Дженниной мамой.

—А ты, бабушка, получаешься Дженниной прабабушкой,— говорила Женя бабушке.

—Вот еще, буду я собачьей прабабушкой. Мне и одной тебя по горло хватает,— отвечала бабушка в этих случаях.

—Зря ты это. У Дженни большая собачья душа. Огромная.

—У собак не бывает душ,— отрезала бабушка. — Марш мыть руки.

—Я и забыла, бабушка, что ты у нас атеистка. Ты, может быть, думаешь, что и у меня нет души. И у мамы, и у дедушки. Что все твои близкие люди — бездушные. А мы — душевные.

—Я, конечно, так не думаю, что все вы бездушные,— сказала бабушка.— Но иногда некоторая черствость наблюдается.

—И у тебя тоже есть душа,— утешила Женя бабушку,— просто ты не всегда об этом знаешь. Вот дедушка, например, говорит, когда ты его пилишь...

—Кто? Я его пилю?

—Еще как. Вот если бы он был иллюзионист...

—Кто?

—Твой дедушка. То есть мой дедушка. А твой муж. И если бы он был иллюзионист, тогда бы не ты, а он тебя пилил. Два раза в день.

—Почему же два? — изумилась бабушка.

—На репетиции и на спектакле.

Женя была недавно в цирке с дедушкой, и теперь все о цирке знала. Она потом даже попыталась засунуть Дженни голову в пасть, но голова не пролезла, а покладистая, послушная и добродушная, Дженни на этот раз не была довольна, но казалась испуганной: поджала хвост и спряталась за диван. И Женя вздохнула: ну что ж, видно, ей досталась не цирковая собака. Не Каштанка, нет, не Каштанка.

—А что касается души Дженни — спроси у дедушки,— повторила Женя, садясь за стол. И взяла ложку, чтобы есть кислые щи...

Вечером, после ужина, Женя под села к дедушке на диван и сказала:

—Дед, пожалуйста, отложи свою скучную газету и поговори с человеком. Точнее с людьми. Я сейчас позову бабушку, и ты ей расскажешь при мне и при Дженни, что у собаки есть душа.

—Ну,— сказал дед, послушно откладывая газету, еще кося в нее глазом,— я, конечно, могу. Но боюсь...

—Не бойся дед, я ее подготовила. Ты начни, пожалуйста, с того, какая у нее хорошая душа. Она потеряет бдительность, и тогда...

—Но она, знаешь ли, не верит ни в существование души, ни в жизнь после смерти... Так что, может, не сто-

ит ее звать. Поговорим с тобой. У Дженни, конечно же, есть душа.

—Ну да, она даже лает во сне. А если бы у нее не было души, она разве лаяла бы.

—Вот видишь, у всех животных есть душа.

—И у Рыжего кота с наших дач?

—И у него,— кивнул дедушка. —Душа бывает даже у кукол, если с ними долго разговаривать и не мучить.

—И у моего плюшевого зайца?

—Конечно. Ведь в детстве ты его так любила.

—Понятно. То-то, когда Дженни нашла его под диваном всего в пыли, он смотрел на меня так выразительно.

—Душа бывает у деревьев и цветов. И даже у некоторых вещей. Вот, например, когда вещи куда-то вдруг деваются, то это они от нас прячутся. Что зачастую очень разумно.

—И что, у маминого автомобиля тоже есть душа?— спросила Женя.

—Ну, как раз в этом я сильно сомневаюсь,— сказал дедушка и снова взялся за газету.

Первый лед

А потом замерз пруд. Во вторник.

Это произошло уже в конце ноября, и взрослые говорили, что в этом году рано наступили морозы. Женю всегда интересовало, почему про мороз говорят во множественном числе. Быть может потому, что в первый день — это один мороз, а если холодно и красный столбик ртути в уличном градуснике, прибитом дедуш-

кой к раме за окном гостиной, уходит ниже нуля и на второй день, то это уже два мороза. И вместе получают-ся морозы.

Пруд замерз, но ходить по тонкому льду было еще нельзя — не то, что на коньках кататься. Об этом предупреждал плакат, укрепленный на двух вбитых в землю кривых трубах. Наверное, этот транспарант использовался не один год, потому что краска на нем расплылась, и от надписи тянулись вниз ржавые подтеки. Женя видела этот плакат и в прошлом году, но тогда она еще плохо читала. А теперь к концу подходила уже вторая четверть, и Женя уже пыталась даже читать Щелкунчика без всякой посторонней помощи. Она любила эту сказку, во-первых, потому, что она страшная, один Мышиный Король чего стоит, а во-вторых, потому, что все кончалось хорошо, и герои оказывались в городе, где все было построено из сладостей. Даже балконы домов были из марципана.

Пока лед не принялся, с Дженни гуляли только во дворе. Потому что за зиму она очень окрепла, и осенью, стоило зазеваться, тут же норовила залезть в этот пруд и вдоволь наплаваться. Что ж, это неудивительно, она же водоплавающая собака, и лабрадор — младший брат ньюфаундленда с далекого северного датского острова. Говорят, ньюфаундленды даже помогают ловить рыбу тамошним рыбакам. А Дженни тоже была собака охотничья, подружейная, как объяснил маме хозяин Афонии, и могла доставать из пруда или там болота подстреленную дичь.

Женя и Дженни, как и все окрестные ребяташки, и все соседские собаки, теперь ждали морозов, когда лед

окрепнет, и на пруду откроют каток. Тогда ранними зимними вечерами на пруду будет зажигаться веселая иллюминация, подмигивающая прохожим цветными огоньками. И будет греметь жизнерадостная музыка и звучать популярные песни, которые что ни день передают по телевизору. А Дженни будет играть с мальчишками в футбол, весело прыгая и пытаясь отнять у них мячик. А дедушка будет за нее болеть: сам он давно уже не играет в футбол, но смотрит его по телевизору. И все вместе это будет означать, что уже скоро, совсем скоро — Новый год, подарки под разукрашенной нарядной, пахнувшей лесной хвоей, елкой с алой звездой с обгрызленным краем на макушке, запах мандаринов и зимние каникулы. И тогда не надо будет ходить в школу, и с Дженни можно будет гулять с самого утра.

Пока дело не дошло до катка, Женя гуляла с Дженни во дворе в белых с опушкой сапожках, в шубке и цветных варежках на резинках, что б не потерялись. Ведь и варежки, если верить дедушке, вещь одушевленная: они то и дело норовят куда-то спрятаться, шмыгнуть и затаиться...

И вот в первый же день, когда на лед стало можно выходить, Женя с дедушкой под вечер повстречали, наконец, на пруду Нину Николаевну с Мартой. Марта с Дженни так обрадовались друг другу, как могут радоваться только старые приятельницы, никогда ничего дурного друг дружке не сделавшие.

—Что-то давно вас не было видно,— учтиво сказал дедушка.

— Не говорите. Мы такое пережили, — сказала Нина Николаевна, — вспомнить страшно. Наша Марта все лето тяжело болела.

— Но, кажется, она поправилась, — сказал дедушка, ласково улыбаясь. — Выглядит очень бодро. Я бы даже сказал, Нина Николаевна, Марта выглядит весело.

— Уж и не говорите, — повторила Нина Николаевна. Наверное, она много натерпелась, и лето на даче было для нее испорчено.

Дома Женя рассказывала, уминая телячьи котлеты с картофельным пюре и соленым огурцом:

— Представляешь, бабушка, оказывается, все лето Марта проболела.

— Да что ты! — всплеснула руками бабушка.

— Она так болела, что думали — она умрет, — подтвердила Женя, несколько дополняя и изменяя слова Нины Николаевны. Наверное, для убедительности и пущего эффекта.

— Бедная Ниночка, — сказала бабушка.

— Ну, ничего, Марта выздоровела, — утешила бабушку Женя. И добавила: — Что ж, неплохой выход из положения...

С Вампиром Женя не разговаривала. И не смотрела в его сторону. Она даже попросила Константина Сергеевича пересадить ее за другую парту. Но тот отказал. И потом объяснил маме Жени после родительского собрания, что по его наблюдениям ваша девочка производит на своего соседа положительное педагогическое воздействие. По неосторожности, мама громким шепотом пересказала эти слова бабушке за ужином, но Женя из своей комнаты все слышала.

—Еще б не производит,— пробормотала она, гордясь собой. — Уж если я воспитала собаку-медалистку, то перевоспитать какого-то мальчишку мне раз плюнуть.

Но это она хорохорилась, конечно. Потому что ее начинало волновать, что Витька-Вампир на нее тоже — ноль внимания. Даже на уроках он больше не толкался локтем, не списывал у Жени, а плевал жеваными бумажными шариками из трубки, скрученной из тетрадного листа, совсем в другую девочку-отличницу, сидевшую от них через проход. Это он нарочно притворяется, с тревогой думала подчас Женя, или и вправду я его больше не волную? Но всегда приходила к утешительному выводу, что Вампир притворяется. Потому что он хитрый. К тому же, не может же даже очень равнодушный человек, каждый день сидящий рядом, совсем не обращать внимания на соседку. Нет, так может делать только равнодушный человек, и делать напоказ и Жене назло.

Женя окончила прошлую первую четверть с одной только четверкой — нет, не по поведению, а по рисованию. Потому что упорно не выполняла заданий Константина Сергеевича: было задано рисовать корову, а Женя рисовала Дженни, было сказано нарисовать лошадь, а у Жени опять получалась Дженни, коричневая с желтыми глазами, ведь шоколадного и орехового в ее наборе фломастеров не было. И Вампир не выдержал обещания, данного самому себе, не замечать заносчивую соседку. Он заглянул в Женин рисунок и сказал:

—Твоя корова — вылитая собака Баскервилей. Фиолетово!

Вполне возможно, это был скрытый комплимент, но Женя его не расслышала.

— Сам ты фиолетовый Баскервиль, — остроумно парировала она. — И, вообще, я с тобой не разговариваю.

— Это я с тобой не разговариваю, — нашелся Вампир. — Чувырло.

— Сам чепушило, — ответила Женя. Ведь помимо других талантов, скажем — к рисованию, обладала еще и способностями к языкам. Хоть к английскому, хоть к вампирскому.

Но все равно, несмотря на четверку по рисованию, мама сдержала слово и подарила Жене в конце четверти, на ноябрьские каникулы, очаровательные маленькие, с белыми ботиночками фигурки. Ботинки имели высокую шнуровку, почти до колен. Раньше-то Женя ходила на катание с такими же фигурками, но, во-первых, они стали малы, а во-вторых, те не были такими красивыми. И шнуровка на них была самая обыкновенная.

— Суперские, — сказала Женя, примерив обновку. — На таких можно и мастером стать, — сказала Женя. — Нет, инструктором.

И вот, когда они с дедом и Дженни выходили из дому, чтобы идти на каток и испробовать мамин подарок, им во дворе попался Витька-Вампир. Женя щегольски связала свои коньки и перекинула через плечо: один конек сзади, другой спереди. Как настоящая спортсменка, так, во всяком случае, она считала. И Вампир, глядя ей вслед, так и замер: сам-то он катался на старых гагах своего брата Вовы-поэта и очень досадо-

вал, что тому достались новые. А ему — старые за братом донашивать.

Вот из-за этих самых ослепительно белых новых фигурок Витька-Вампир и заговорил с Женей первым.

Дело было так. В субботу Женя с дедом и с Дженни собралась на каток. Это был первый сбор группы, которую набрала их тренер Елена Михайловна еще прошлой зимой. Впрочем, она хоть и называла себя не тренером, а инструктором, но была совсем не строгая. И Женя думала: нет, с таким добрым инструктором чемпионкой не станешь. Впрочем, как мы уже говорили, Женя и не хотела становиться чемпионкой. Она тоже хотела быть инструктором, как Елена Михайловна. Та ведь тоже никогда не была чемпионкой. Так, мастер спорта.

Женя вприпрыжку выбежала с Дженни из подъезда, чтобы Дженни еще до катка успела сделать свои дела во дворе, пока дед копается. И они сразу же столкнулись с Вампиром, который ковылял на своих старых гагах прямо по асфальту, потому что на катке ему было лень переобуваться. На плече он нес хоккейную клюшку.

Он увидел Женю в ее спортивном розовом комбинезоне, в спортивной шапочке и в белых сапожках с новыми блестящими фигурками через плечо, и что-то его как будто дернуло. Будто он прежде не замечал, какой красивой и взрослой стала его соседка по двору и по парте.

—Слышь, того, дай помогу,— сказал он, нетвердо стоя на своих коньках.

—Чего помогу?

—Ну, это, коньки понести.

—Да как-нибудь обойдемся,— сказала Женя. —И, вообще, ты сам едва на ногах держишься.

И, как ни странно, Вампир не обиделся.

Они пришли на каток, и тут оказалось, что Вампир стоит на коньках даже лучше Жени. Женина группа собралась вокруг Елены Михайловны, когда та, поздоровавшись со всеми, с шестью такими же девочками, как Женя, сказала, что они уже прилично научились кататься прошлой зимой, но вот не забыли ли они прошлые уроки?

—Нет, нет,— стали хором уверять ученицы.

—Вот сейчас и посмотрим,— сказала Елена Михайловна.

Тем временем Вампир выписывал вокруг них круги, потом вынул из кармана шайбу и стал репетировать обводку. Он так ловко орудовал своей клюшкой, что все девочки из Жениной группы так и уставились на него.

Что это они так пялятся, подумала Женя, еще чего.

——Это ж Вампир.,— громко сказала она. — Я с ним в школе за одной партой сижу

—Врешь,— сказала одна, самая маленькая, но уже второклассница, не из их школы, из соседней. Сказала в восхищении, а не то, чтобы первоклассницу Женю обидеть.

—Вот и не вру. Витька! — громко позвала она.

—Чего тебе,— прокричал Вампир, лихо объехав группу и щегольски остановившись, затормозив правым коньком и подняв сноп ледяной пыли.

—Они не верят, что ты — вампир.

—А кто ж еще,— прокричал Витька, — конечно, вампир.

И, оттолкнувшись левой ногой, пошел хоккейным бегом, ловко двигая плечами. И сделал лихую дугу, демонстрируя обводку.

—Класс, — прошептала другая, напротив, самая высокая в группе. — Познакомь, а?

—Как-нибудь,— сказала Женя. — Как-нибудь в другой раз.

Урок для мамы

С некоторых пор, а именно с того времени, как мама Жени заметила, что ее дочь очень повзрослела, мама и Женя все больше становились подругами. И вот однажды вечером, в сочельник, после ужина они забились вдвоем в уютный уголок в гостиной. Мама сидела с ногами на диване, завернувшись в плед, Дженни улеглась с ней рядом, приподняв уши — наверное, она предвкушала, что сейчас можно будет услышать что-нибудь интересное. А Женя устроилась прямо на ковре,— она за последний год так вытянулась, что могла опереться локтем на край дивана у маминых ног и прекрасно беседовать.

Елку нарядили еще накануне. И сейчас она переливалась мерцающими лампочками: сначала загорались зеленые, потом медленно гасли, и вместо них горели красные. А потом желтые. И если правильно управлять пультом, то можно было сделать так, что лампочки будут мигать быстрее. Другого света они не зажигали, а сидели в отблесках переливающейся елочной иллюминации.

—Нет, я не могу сказать,— говорила мама,— что он вообще не обращает на меня внимания. Он, как вы, наверное, догадались, был хозяин лохматого Афони. — Но он, кажется, больше обращает внимание на других. Особенно если они... ну, расфуфырены.

—В крутом прикиде,— уточнила Женя. — Что ж, есть поклонники,— объяснила Жене маме,— а есть не поклонники. Нам ли, мама, с тобой этого не знать.

—Это как?—спросила мама, несколько озадачившись.

—Ну, которые кланяются — те поклонники,— объяснила Женя.

—А которые — нет, те — непоклонники,— догадалась, наконец, мама. —Господи, как у вас все просто.

—У кого это — у нас?

—Ну, в первом классе.

—Не думаю,— сказала Женя, чуть подумав,— что у нас все проще, чем у вас. Мне вот с Вампиром одна морока.

—Ему нужна не женщина, а одна фурнитура,— вдруг страстно воскликнула мама. Она, конечно, имела в виду не Вампира, а хозяина лохматого подружейного Афони.

—Как это?—спросила Женя.

—Ну, цацки. Всякие там кольца.

—Вот и не уродствуй себя понапрасну,— посоветовала маме Женя. — Будь строже, чтобы отличаться от этих.

—То есть как? — спросила мама.

—Не мажь губы и глаза. У тебя и так все такое красивое и такое натуральное...

И Женя потянулась и поцеловала маму

—Добрая ты у меня девочка. Но, увы, в свой офис я не могу появиться в натуральном виде. Не поймут и уволят. Легко сказать — не мажься. Ты иногда рассуждаешь прямо как бабушка. Она тоже мне не разрешала использовать тушь и тени до самого выпускного вечера в школе.

—Что ж, бабушка тоже иногда бывает права,— великодушно заметила Женя.

Какое-то время они сидели молча. Потом Женя сказала:

—Ты на него перестань обращать внимание. На время. Сделай вид, что его для тебя не существует.

—Да я уж делала,— вздохнула мама.

—А он что?

—Кажется, он не заметил, что он для меня не существует. Он такой... как бы это сказать... мечтательный.

—Не от мира сего?

—Ну, то-то в этом духе.

—Тогда вот что, — придумала сообразительная Женя,— тогда ты попроси его что-нибудь починить в твоей машине.

—Просила. Он сказал, что не разбирается в автомобилях.

—Тогда попроси его что-нибудь донести. Потяжелее.

—Ты думаешь? Пожалуй, это идея. Но, понимаешь ли, это как-то не современно. Опять-таки, не пофеминистски.

—Это как?

—Ну, как тебе объяснить. Феминизм — это движение за самостоятельность женщин. Чтобы не зависеть, значит, от мужчин,— объяснила мама без особого энтузиазма. —Современная женщина должна сама нести свой груз,— вздохнула она.

—Глупости,— сказала Женя. —Вот бабушка у нас какая самостоятельная — совсем феминистка.

—Феминистка,— поправила мама.

—Вот именно. А груз носит дедушка.

—Тоже верно,— согласилась мама. —Но разве бабушка у нас феминистка? Я что-то не замечала. Впрочем, она, наверное, скрытая феминистка. Она мне давно объяснила, что с тех пор как женщины получили право на образование и на голосование, они стала во всех отношениях равны с мужчинами. И даже, чаще всего, еще равнее.

— Не заморачивайся, — сказала Женя, примени слово из лексикона Вампира. — Современная сама женщина должна определять, когда быть самостоятельной, а когда не стоит. Правда, Дженни?

—Дженни тоже разбирается в мужчинах?

—Еще как. Помнишь, как на выставке огрызнулась. Наверное, Дженни знает больше нашего. Но не хочет говорить.

—Или не может?

—Собака важная составляющая жизни человека,— сказала Женя сонно. — Можно, мама, я к тебе принежусь?

—Да ты засыпаешь.

—Страшно хочется спать,— согласилась Женя, — но как-то лень в такой день.

Последние слова она произнесла совсем сонным голосом. Кажется, разговор про феминизм ей не был особенно интересен. А может быть, ее убаюкало мерцание елочных лампочек. Не просыпаясь, Женя взобралась на диван, и мама подложила ей подушку под голову, и накрыла ее своим пледом.

Сон и пробуждение

Нет, это не был их Чистый пруд на бульваре. И трамваи здесь не ходили. И не было уютных лавочек.

Нет, скорее, это было какое-то замерзшее загородное лесное озеро. Потому что вокруг стоял темный и не очень дружелюбный густой ельник. И только на краю леса высилась большая старая береза, вся голая сейчас, с облетевшей листвой.

Но здесь тоже была иллюминация. И лед был такой чистый и прозрачный, что в нем, как в зеркале, отражались переливающиеся разноцветные лампочки. И казалось, что подо льдом плавают золотые рыбки, но это, наверное, были только отблески мерцающих цветных огоньков.

Как и на катке, здесь тоже играла музыка. Но лилась она не из колоколов-репродукторов, а откуда-то сверху, не было видно откуда. Музыка была тихая и громкая одновременно, потому что с одной стороны на озере музыку было хорошо слышно. Но даже если говорить шепотом, то слова тоже были слышны.

Первым, кого увидела Женя на льду, был дедушка — он делал ласточку на правой ноге, а левую держал параллельно катку, очень прямо. Причем дедушка был

в одном из тех темных костюмов, в которых он ходил на работу, в галстук и в шляпе. На ходу, не останавливаясь, дедушка приятно разговаривал с Еленой Михайловной, которая тоже оказалась здесь, хоть сначала Женя ее и не заметила. Елена Михайловна махнула Жене рукой и крикнула:

— Можно начинать.

И Женя поняла, что она — сама инструктор, вот только нигде не было видно ее учеников.

— Мы здесь, — вдруг услышала Женя и обернулась.

Она увидела Дженни, которая в обнимку с черно-белой бернской овчаркой Мартой лихо катила по кругу и махала ей лапой. Но, взглядевшись, Женя поняла, что это вовсе не ее Дженни, а собрат Марты по породе Данила. И что Данила и Марта танцуют какой-то быстрый танец, быть может, рок-н-ролл, кружась и вертясь на льду. Потом Данила вдруг поднял Марту, держа ее на одной лапе высоко над головой. А та во время поддержки вытянулась в струнку и помахала Жене хвостом, а потом что-то крикнула, но Женя не разобрала — что именно.

— Хорошая поддержка, — хотела похвалить Женя Марту и Данилу. Но что-то мешало ей говорить, как будто во рту у нее была варенка. И у нее вышло только ав-ав.

Тут Женя увидела, что Дженни сидит у ее ног и говорит:

— А я тоже так могу, я тоже могу...

И Женя поняла, что она спит. И что во сне она говорит по-собачьи, а ее Дженни — человеческим языком. Она хотела проснуться, но ей было так жалко прерывать

этот дивный волшебный сон. Там более, что откуда-то сзади вдруг показался двортерьер Гай в шапке-ушанке, с клюшкой и на старых гагах. И он сказал Жене:

—Ну что, ты меня узнаешь? Я — вампир!

И страшно оскалился.

Женя закричала во сне от страха, и голос мамы ласково спросил:

—Что такое, девочка, что такое? Страшный сон приснился?

И Женя ответила сквозь сон:

—Очень страшный.

—А ты не смотри, не смотри.

—Так ведь показывают,— сказала Женя во сне. Поджала ноги и натянула плед на голову. Потому что ей опять захотелось оказаться на замершем озере, и она на нем опять оказалась.

Теперь здесь было очень много всякого собачьего народа, как у них на Чистом пруду в хорошую погоду. Просто толкучка.

Вот мимо Жени весело катит немецкая овчарка Эмма и на ходу кричит:

—Прекрасная погодка, не так ли, прекрасная погодка.

И Женя видит, что Эмма не одна, и ее лапы сцеплены в перехлест с лапами китайца Фунтика породы шарпей. И они выделывают на льду кренделя и разные сложные па, как заправские танцоры. Шарпею, правда, мешает его шкура, и он выглядит довольно неуклюжим и мрачным. К тому же поминутно зевает, и пасть у него фиолетовая. Зато Эмма весело улыбается.

—Фунт,— кричит Женя,—держи спину!

—Я и держу, — бурчит Фунт недовольно.

—Я инструктор, — говорит ему Женя строгим голосом. — И ты, если хочешь научиться кататься, должен слушаться.

— Я и слушаюсь, — говорит Фунт, и они уезжают в дальний конец озера, где стоит какой-то расписной шатер с золотым петушком на макушке.

—Мы будем кофе пить,— кричит Эмма. —Фунтику надо пить кофе для бодрости, для бодрости...

—Чаю со слоном!— рычит Фунтик.

И Женя видит: то, что она приняла за шатер, это наряженная пышная елка, точно такая, какую два дня назад поставили у них на бульваре. И петушок у елки на макушке вовсе не петушок, а красная звездочка.

Тут Женя слышит голос бабушки:

—Кто же это съел все пирожки с капустой?

—Все съел хомяк,— быстро говорит Женя, чтобы бабушка не подумала, что это съела Дженни.

—Какой такой еще хомяк?

—А я знаю,— говорит Женя.

А Дженни тут как тут. Сидит у ног Жени и облизывается. Неужели это она съела-таки все капустные пироги?

Дженни почему-то вся золотая, и хвост у нее золотой. И нос, и уши. А глаза горят то одним цветом, то другим, как будто в них отражается праздничная иллюминация.

—Дженни, это ты нарядилась на новогодний бал?

—Да,— говорит Дженни.

—А что это у тебя за костюм?

—А ты сама не видишь?

—Ах, ты нарядилась Жар-Птицей.

—Бывают Жар-птицы, — важно объясняет Дженни.

—А бывают Жар-собаки. Неужели непонятно?

И Жене опять захотелось проснуться, чтобы всем рассказать, как Дженни подготовилась к новогодней елке, к небольшому семейному балу-маскараду, который что ни год устраивает дед на Рождество. Но Жене так жаль было уходить с озера, что она решила: я этот сон обязательно запомню, а потом перескажу... И опять крепко заснула, и опять оказалась на лесном озере.

И сразу же услышала знакомый скрипучий голос с присвистом:

—Тихон, Тихон.

Она пригляделась: на одинокой березе с краю озера сидел белый рогатый попугай и громко кричал.

Между тем представление продолжалось

Теперь выступал сеттер-гордон Сэм огненно-красной масти. Он выступал в одиночном катании. Вот он разбежался и высоко подпрыгнул, повернувшись в воздухе два раза. Это двойной тулуп, подумала Женя и поняла, что это она сама научила Сэма так прыгать.

Тут же катила по льду и фокстерьерша Топси на белых фигурках, быстро исполняя дорожку, шаги, как говорят фигуристы, и ее маленькие ножки так и мелькали на льду.

—А ты что стоишь? — спросила Женя у ротвейлерши Бетти. — Ты будешь участвовать в соревновании?

— Вот еще,— сказала Бетти и отвернулась. — Я и так медалистка.

— Это нескромно, Бетти, так хвалиться своими наградами.

— Так уж и нескромно.

— Вот видишь, как катается Сэм. Смотри, смотри, он сделает сейчас тройной рутбергер.

Но показался красавец мастино-неаполитано, тоже разогнался и прыгнул, что было сил.

— Уж прямо и рутбергер, — проворчала Бетти. — Тоже скажете. Да этот телок от земли оторваться не может.

Но тут на льду появился и пудель Филя, и голден-ретривер с хозяйкой Мариной, и пудель Филя, и боксерша Настя, и даже кавказская овчарка Лада, и два брата-колли Семен и Федор. При этом Настя схватила Филю в охапку, несколько раз крутанулась на месте и бросила его, но Филя удержался на коньках и раскланялся. И тут все они принялись танцевать что-то цыганское, а Карина размахивала цветастой шалью.

— Это не по правилам, — закричала Женя, — прекратите, не то я пожалуюсь на вас в судейскую коллегию.

— Ну и пожалуйста, жалуйся на здоровье, — сказал короткохвостый всегда грустный такс Геркулес. Сегодня развеселился и он.

— Прекратите, — еще раз крикнула Женя, но ее подхватили под руки, и ноги сами понесли ее в пляс под мелодию залихватской цыганочки. Тут Женя проснулась. Мама тербила ее за плечо. Наверное, было уже поздно, потому что низкое еще зимнее солнце так и светило сквозь раздвинутые шторы. А лампочки на елке в этих снопах веселого солнечного света казались совсем тусклыми.

— Вставай, — сказала мама, — с Рождеством!

— А где же подарки?— спросила сонная Женя. Она еще не совсем проснулась, но, тем не менее, хорошо помнила, что в этот день ей непременно что-нибудь подарят.

— А посмотри под елкой, — сказала мама.

Тут Женя окончательно проснулась, кто же не проснется при волшебном слове подарки. Она бойко вскочила и в одной пижаме, босиком подбежала к елке. Там лежала корзиночка со сладостями, от бабушки, наверное. Смешная плюшевая собака, похожая на Дженни, такая же коричневая, но с белым фартуком на груди. Это от бабушки.

— Спасибо, бабуля,— крикнула Женя. И прижала собаку в груди. Теперь, подумала она, если Дженни не будет рядом, я всегда буду брать эту собаку с собой. И назову ее Дженни-джуниор.

Женя не сразу увидела, что под елкой лежит еще и какой-то конверт. От мамы, наверное, подумала Женя, поздравление. Она так подумала потому, что на конверте был изображен румяный красноносый Дед Мороз, махавший в приветствии красной варежкой.

Женю даже и открывать конверт не хотела — разве ж это подарок, какой-то конверт. Но любопытство победило, и она открыла его. И достала в несколько раз свернутый листок с печатями. Сверху было крупно написано ПУТЕВКА.

— Ура! — крикнула Женя. — Ура! Мы едем на море.

— Нет, на море мы поедем летом,— сказала мама,— а на зимние каникулы мы едем в пансионат. Там

есть каток, бассейн, сауна, массаж и дискотека с баром и свежим выжатым апельсиновым соком.

— Кислый, наверное, — сказала Женя разочарованно. В самом деле, зачем ей нужна сауна и массаж. — А на Дженни есть путевка?— подозрительно спросила Женя.

— Нет, моя дорогая, с собаками в пансионат не пускают.

— А как же быть?

На месте послесловия

Разлуки подчас важнее встреч. Потому что, разлучаясь, и люди и собаки острее чувствуют, как они любят друг друга. В разлуке и грустно, и радостно вспоминать, каким можно быть нежным к другому, когда вы вместе. И что скоро, совсем скоро они непременно встретятся, опять будут вместе, и можно будет всласть поцеловать милый холодный влажный нос.

Впрочем, быть может, собаки чувствуют разлуку даже острее, чем их хозяйева. Потому что собаки самые верные существа на свете, они не предают, и учат этому людей, некоторые их которых не такие преданные и благодарные друг другу. Вот Дженни, например, из преданности и грусти ничего не ест, пока Женя бывает в школе, а грустно ложится перед выходной дверью в передней и кладет голову на Женины тапочки...

Уже был собран Женин рюкзачок, уже стояла у двери в прихожей мамина сумка. Уже мама нетерпеливо крутила на пальце ключи от машины. А Женя все никак не могла проститься с Дженни, которая, конечно же,

понимала, что ее хозяйка уезжает. У Жени на глазах были слезы, и одна слезинка упала Дженни на нос. И та облизнула ее.

— Дженни не умеет плакать, вот что. А то бы тоже заплакала. Но какая же она огорченная,— сказала Женя, всхлипывая и глядя Дженни, — посмотри. Мама, какие у нее печальные глаза.

Дженни кивнула головой и отвернулась. Она всегда склоняла голову на бок и отворачивала морду, когда ее переполняли чувства.

— Посмотри на меня, — попросила Женя.

Дженни подняла морду и заглянула Жене в глаза.

— Я буду ждать, — сказала Дженни.

лето 2009, Отдых